

Борис Васильев

Скобелев, или Есть только миг...

Часть первая

Глава первая

1

Лето 1865 года выдалось небывало дождливым. Как начало моросить с Егорьева дня, так и моросило без перерыва все последующие дни и ночи. И если Санкт-Петербург всегда изнемогал от обилия каналов, рек и речушек, из-за чего, как считали москвичи, платья и рубахи с самого утра становились волглыми как бы сами собой, а сахар и соль вечно отсыревали, то теперь с этими напастями познакомились и жители Первопрестольной. Все ругали погоду, все были мрачны и недовольны, и только лавочники изо всех сил сдерживали радость, поскольку в их умелых руках даже сукна стали короче, будто усыхали, вопреки природе, под непрекращающимся дождем, не говоря уже о законно прибавивших в весе продуктах.

Об этом толковал московский обыватель, трясясь по Тверской в запряженном парой кляч городском дилижансе. Кто называл его «линейкой»,

кто — «гитарой», удобства экипажа от этого не улучшались. А поскольку «гитара» считалась крытой и в принципе была таковой, но — от солнца, а не от бесконечного дождичка, который и дождичком-то язык называть не поворачивался, настолько он был мелок, жалок, неопределенен, пронзителен и бесконечен, эти его необычные качества особенно сказывались на пассажирах московских «линеек», потому что пассажиры сидели на них по обе стороны, спиной друг к другу, бочком к лошадям и лицом к тротуарам и вода простегивала их не только сверху, но и со всех прочих сторон, в том числе и из-под колес.

— Это ж чего делается-то? Это ж поля вымокнут, на избах опять вырастут, и вся нечисть болотная возрадуется радостно.

— Потоп. Истинный потоп библейский...

От потопа спасались все, как могли, но чаще всего — в собственных ковчегах. Только известная всей Москве таганская дурочка Мокрица приплясывала под дождем и очень радовалась:

— Мрыть Москве мокру! Мрыть Москве мокру!

Вздохали москвичи:

— Знать, прогневали мы Господа своего...

Видать, и вправду прогневали, потому как в ресторане «Эрмитаж» сам собою круглосуточно начал плакать фонтан, а в Английском клубе,

основанном английскими же купцами еще при Екатерине Великой, родилось и само объяснение всемосковского мокрого бедствия. В комнате первого этажа, именуемой ажидацией, где лакеи, грумы и прочие сопровождающие лица коротали время за чашкой чаю с разговорами в ожидании господ, кто-то изрек в эти самые мокрые дни:

— Всякое непобеждение в войне меняет климат пространства и населения.

И в этом мудром выводе была немалая доля истины, так как не только москвичи, но и вся Россия глубоко и огорчительно переживала неудачу Крымской войны¹, и никакие частные победы на

---

¹ **Крымская война** (1853–1856) начиналась как русско-турецкая война за господство на Ближнем Востоке, но в феврале 1854 года к Турции присоединились Англия и Франция, а в 1855 году и Сардинское королевство. В 1853 году русские войска вступили в Молдавию и Валахию, последовали победы на Кавказе, уничтожение турецкого флота при Синопе, в 1854 году союзники высадились в Крыму, блокировали Балтийское море. Началась героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся до 1855 года. В 1855 году последовала дипломатическая изоляция России, Севастополь пал, а военные действия были практически прекращены. Война завершилась неудачным для России Парижским миром 18 марта 1856 года, по которому Россия возвращала Турции крепость Каре, уступала Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии. Черное море было объявлено нейтральным — ни Россия, ни Турция

Кавказе не могли принести никакого облегчения промокшим душам и телам. Бесспорно, героическая оборона Севастополя роняла капли бальзама на израненные патриотические организмы, но истинную радость жизни и великое торжество духа способны приносить только звонкие победы, но никак не громкие обороны. Россия жаждала героев-победителей, и никакая отвага и стойкость героев-защитников не могли утолить этой непереносимой жажды. Потому-то и затрубили вдруг все газеты дружно, бодро и весело, когда пришли первые оглушительные телеграммы с далекого-предалекого юга. Из Туркестана, о существовании которого вряд ли слыхивал российский обыватель тех времен. 15 июня 1865 года генерал-майор Михаил Григорьевич Черняев²,

---

не могли держать там военный флот. При этом подтверждалась автономия Сербии и Дунайских княжеств.

² **Черняев Михаил Григорьевич** (1828–1898), русский военачальник, принимал участие в Крымской войне, в подавлении восстания в Коканде. В 1875 году вышел в отставку и отправился в Сербию, где руководил сербской армией, но во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов вернулся в русские войска. Был Туркестанским генерал-губернатором. В политических взглядах близок к славянофильству, принимал участие в издании журнала «Русский мир».

командуя отрядом численностью в тысяча девятьсот пятьдесят человек и всего-то при двенадцати орудиях, внезапным штурмом взял какой-то там Ташкент, в котором проживало сто тысяч населения, обороняемый тридцатитысячным («отборным», как подчеркивали газеты) войском, имеющим аж шестьдесят три орудия. Правда, совершил он сей героический подвиг, позабыв поставить о своем к нему стремлении начальство в известность, за что и был немедленно уволен со службы, получив, однако, чин генерал-лейтенанта за дерзостную свою отвагу. И все газеты прямо-таки до удушья зашлись в остром приступе патриотического восторга, ни разу не упомянув о досадной принципиальности Государя-Императора Александра II³.

Долгожданные подвиги эти, что вполне естественно, с особой горячностью обсуждались в офицерских собраниях в звоне хрустальных бокалов. Обер-офицерство предчувствовало как

---

³ **Александр II** (1818–1881) царствовал с 1855 года, отменил крепостное право и провел ряд реформ — земскую, судебную, военную и др., в годы его правления завершилось присоединение к России Кавказа (1864), Казахстана (1865), большей части Средней Азии (1865–1881). На его жизнь было совершено несколько покушений (1866, 1867, 1879, 1880), последнее из которых закончилось трагически.

будущие победы, так и будущие ордена с профессиональным трепетом и заранее развернутыми плечами.

— Две тысячи против тридцати! За возрождение, господа!

— Это доказывает теорему высшего воинского мастерства русских генералов!

— Либо безудержное бахвальство нашей прессы.

— Бросьте, Скобелев! Черняев — герой и талант!

— С первым — соглашусь, со вторым — погожу, — усмехнулся молодой офицер в мундире лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. — Полководец доказывает свой талант только второй победой. В противном случае его подвиг — лишь случайная удача авантюриста.

— Завидуете, Скобелев?

— Завидую, — искренне признался гусар. — Но совсем не удаче Черняева, а лишь отваге его. И удача, и успех, и проявление таланта человеческого зависят не столько от него самого, сколько от стечения обстоятельств. А отвага есть всегда проявление воли личности, господа. И потому — за отвагу!

Гусар Мишка Скобелев в юные времена воспринимался окружающими в качествах, так сказать, отдельных. Отдельно — как истый гусар,

картежник и выпивоха, добрый приятель без видимых друзей, неутомимый юбочник и лихой дуэлянт. Отдельно — как Скобелев. Как внук рядового солдата, свершившего в Бородинском сражении столь легендарный подвиг, что Государь Александр I⁴ в удивлении пожаловал ему и потомственное дворянство, и вечную свою благосклонность, и даже высокий пост коменданта Петропавловской крепости, а его преемник император Николай I⁵ даровал вчерашнему солдату

---

⁴ **Александр I** (1777–1825), старший сын Павла I, в начале правления провел либеральные реформы по М.М. Сперанскому, в конце правления поддерживал крайне правые взгляды А.А. Аракчеева. Вел успешные войны с Турцией (1802–1812) и Швецией (1808–1809), присоединил к России Грузию (1801), Финляндию (1809), Бессарабию (1812), Азербайджан (1813), бывшее герцогство Варшавское (1815). После Отечественной войны 1812 года возглавил антифранцузскую коалицию европейских держав в 1813–1814 годах, был одним из руководителей Венского конгресса и организаторов Священного союза.

⁵ **Николай I** (1796–1855) правил с 1825 года, третий сын Павла I. После восстания декабристов преследовал свободомыслие, разгромил Польское восстание 1830–1831 годов и революцию в Венгрии, выступая как «жандарм Европы».

Ивану Никитичу Скобелеву⁶ на этом посту и чин генерала от инфантерии⁷. Иван Никитич не просто содержал крепость и царскую усыпальницу в образцовом порядке, но и писал весьма популярные рассказы из солдатской жизни под псевдонимом

---

⁶ **Скобелев Иван Никитич** (1778–1849), генерал от инфантерии и военный писатель. На службу поступил в 14 лет солдатом в первый полевой Оренбургский полк и лишь через 11 лет добился чина прапорщика. В Финляндскую кампанию 1808–1809 годов участвовал в двадцати сражениях и дважды был ранен. Будучи адъютантом генерала Раевского, участвовал почти во всех сражениях против турок. В период Отечественной войны 1812 года был адъютантом Кутузова, отличился в Бородинском сражении, потерял руку, участвовал в кампаниях 1813, 1814, 1815 годов. Находясь с 1822 по 1826 год генерал-полицмейстером первой армии, по его собственному выражению «проштыкнулся», написав несколько доносов, в том числе и на А.С. Пушкина. В звании коменданта Петропавловской крепости (с 1839 г.) оставил о себе память как о сострадательном человеке — по его ходатайству были освобождены декабрист Г.С. Батенков, прапорщик Браккель и др. Был автором нескольких книг рассказов и писем, которые, в силу малограмотности автора, подвергались редактуре его друга Н.И. Греча, поставил на сцене Александрийского театра две пьесы.

⁷ В России XVIII — начала XX веков термин инфантерия (*от* *ит. infante* — юноша, пехотинец) применялся наравне с термином пехота.

«Русский инвалид», коим и являлся на самом деле, потеряв руку в Бородинском сражении. Его единственный сын Дмитрий Иванович ⁸ очень быстро вырос в кавалерийского генерала, известного не только легендарным отцом, но и удивительной даже для Кавказа личной храбростью, заслужившей уважение всех немирных горцев.

А вот внука коменданта-писателя, знакомство с которым Пушкин особо отметил в своем дневнике, названного Михаилом, по сути никто тогда не знал. Мишка получил блестящее образование, свободно болтал на четырех языках, учителя не могли нахвалиться его способностями, но сам он не спешил претворять эти способности в жизнь. К двадцати двум годам он умудрился закончить в Париже пансион Жирардэ, поучиться на математическом факультете Петербургского университета, послужить в лейб-гвардии

---

⁸ **Скобелев Дмитрий Иванович** (1821–1880), генерал-лейтенант, учился в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, участвовал в восточной войне на малоазиатском театре военных действий, позже командовал конным полком. Принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, по окончании которой состоял в свите великого князя Николая Николаевича старшего.

Кавалергардском полку и даже побывать в двух заграничных командировках, откуда всякий раз возвращался с иностранными орденами. Так в Дании, выехав на рекогносцировку с полувзводом улан, бросил в атаку этот полувзвод на пешую колонну немцев, воевавших тогда с Датским Королевством, во главе его врубился в растерявшегося противника, захватил штандарт и ушел с несколькими уцелевшими солдатами. В Сардинии повел на картечь горстку отчаянных головорезов, ворвался на позиции вражеской артиллерии, переколол прислугу и захватил пушку. Дома он, правда, ограничивался дуэлями, почему однажды и вынужден был переметнуться из кавалергардов в гусары. И никто не задумывался, зачем лихому гусарскому офицеру безукоризненное знание иностранных языков, любовь к Бальзаку, Шеридану ⁹ и Лермонтову вперемешку с необъяснимой тягой к дамам полусвета, беспробудным попойкам и азартной карточной игре. Все воспринимали его таким, каким он казался, не догадываясь, что Скобелев и сам не

---

⁹ Шеридан Ричард Бринсли (1751–1816), знаменитый английский драматург, автор сатирических комедий нравов («Соперники», «Поездка в Скарборо», «Школа злословия» и др.), а также политический оратор.

подозревает, каков же он на самом-то деле.

2

Если в тот год в Великороссии шли слякотные дожди, то в Средней Азии, которая тогда именовалась Туркестаном, а ее жители — киргизами, бухарцами, хивинцами, туркменами и текинцами, стояла жара, как в русской печи. Рубахи русских солдат уже через полчаса насквозь пропитывались потом, который сразу же высыхал, и одежда гремела, как жесть. В России об этом не ведали, но дотошные иностранные журналисты, основываясь на богатом опыте собственных завоеваний, неустанно напоминали, что русский медведь прется не туда, где ему следует быть. За всем этим конечно же стояла Британская империя, впервые в своей колониальной истории беспомощно затоптавшаяся в Афганистане¹⁰. Это подогревало интерес читающей публики, и американская газета «Нью-Йорк Геральд» первой сообразила послать собственного корреспондента

---

¹⁰ Имеются в виду англо-афганские войны XIX века, в первой из них в 1838–1842 годах Англия потерпела поражение, после второй в 1878–1880 годах добилась контроля над внешней политикой Афганистана.

непосредственно на места боевых действий в немыслимо далекий от Америки Туркестан.

Лучше всего для этой цели подходил невозмутимый и весьма добродушный ирландец Макгахан, заработавший опыт и славу на репортажах, статьях и очерках о нравах Дикого Запада. Ныне предложено было ехать на еще более дикий Восток, и Макгахан подготовился к этому заданию весьма серьезно, захватив с собою боевую английскую двуствольную винтовку, двустволку охотничью, восемнадцатизарядный винчестер, три тяжелых кольца, парочку охотничьих ружей, мексиканскую саблю и мачете. И соответствующее количество боеприпасов. Добравшись до Ташкента, он с удивлением узнал, что на пути стоит препятствие, которое не прошибешь и дюжиной добрых винчестеров.

— Увы, господин корреспондент, придется вам завтра же возвращаться в Россию, — со вздохом сказал чиновник, регистрирующий невоенных господ.

— А, бакшиш, — Макгахан был готов к такому началу разговора, поскольку не поленился ознакомиться с некоторыми национальными особенностями администраторов Российской Империи.

— Еще раз — увы, — вторично, но куда более огорчительно вздохнул чиновник. — Существует

приказ, категорически запрещающий всем европейцам вступать в Туркестанскую область.

— Весьма разумный приказ, — согласился Макгахан. — Европейцы склонны всех считать варварами. Но я не принадлежу к европейцам. Я — гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов, что и написано в моем паспорте.

— Северо-Американских?..

— Да, я — американец, а посему никак не подпадаю под действие вашего очень правильного приказа.

Чиновнику ничего не оставалось делать, как выдать соответствующее разрешение не подпадающему под приказ иностранцу. Через четыре дня Макгахан вполне легально выехал на поиски генерала Кауфмана ¹¹ в район непосредственных боевых действий. На местных лошадях он с проводником и киргизом-коноводом

---

¹¹ **Кауфман Константин Петрович** (1818–1882), русский инженер-генерал, первоначально служил на Кавказе, где отличился в экспедиции к Дарго и при штурмах Гергебиля и Карса, был директором канцелярии военного министерства. С 1867 года Туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа, участвовал в походе на Бухару, окончившемся взятием Самарканда, в покорении Хивинского и Кокандского ханств, ввел русское управление во вновь образованной Ферганской области.

прошел сквозь иссохшие полынные степи, пересек пустыню Кызыл-Кум, благополучно добрался до русских войск под Хивою, где с огромным облегчением и раздарил весь свой арсенал русским офицерам, оставив себе только привычный кольт.

Из Великороссии в Туркестан тоже вдруг заспешили самые различные искатели приключений, азарта и экзотики. Молодые офицеры в жажде чинов и славы. Певички, хористки, арфистки и дамы полусвета без определенных занятий. Торговцы, газетчики, рисовальщики, картежные шулера, авантюристы всех мастей и калибров, не говоря уже о людях вполне достойных. И среди таковых самым знаменитым был художник с уже мировой славой Василий Васильевич Верещагин¹².

---

¹² **Верещагин Василий Васильевич** (1842–1904), знаменитый русский живописец, был близок к передвижникам. Родился в дворянской семье в Новгородской губернии, учился в Санкт-Петербурге сначала в Александровском корпусе, затем в Морском кадетском корпусе. Еще не окончив последнего, стал серьезно заниматься живописью, поступив в 1861 году в Академию художеств. Не раз бывал на театре военных действий в Туркестане, за оборону Самарканда получил Георгиевский крест, автор батальных картин, посвященных событиям 1871–1874 годов, а также событиям Отечественной войны 1812 года. Погиб во время русско-японской войны при взрыве броненосца «Петропавловск» в Порт-Артуре.

Удачная черняевская дерзость расшевелила дремавшие на границах Туркестана русские отряды. Генерал Романовский с четырьмя из них смело атаковал Иджар, где и разгромил сорокатысячную бухарскую армию, потеряв при этом одного солдата. Не останавливаясь. Романовский продолжал развивать успех, взяв штурмом города Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак. Воодушевленные этими легкими и быстрыми победами, солдаты тут же сочинили песню, под которую легче было маршировать на адовой жаре:

Вспомним, братцы, про былое,
Как в Чиназе на Дарье
Собиралися мы живо
Бить эмира в Иджаре.
Греми, слава, трубой,
Мы дралися за Дарьей,
По степям твоим, Чиназ,
Разнеслась слава о нас!

Пели громко и весело, однако ни определенного плана военных действий, ни даже единой системы управления еще не существовало, каждый отряд, равно как и каждый генерал, действовали на свой страх и риск, и долго так

продолжаться не могло. В конце концов в июле 1867 года император Александр II лично назначил единовластного военачальника и генерал-губернатора всей Туркестанской территории. Царский выбор пал на широко известного как армии, так и всей России генерал-лейтенанта Константина Петровича фон Кауфмана. В истории русских завоеваний Средней Азии открывалась новая страница.

В то время молодой офицер Михаил Скобелев уже учился в Николаевской академии Генерального штаба. Он жадно глотал воинские науки, неизменно получал высокие баллы, но ни дисциплиной, ни усидчивостью, ни даже старательностью не отличался. Теоретические боевые задачи решал весьма своеобразно, частенько ставя в тупик преподавателей, с ответами на экзаменах не задумывался, но отвечал тоже далеко не так, как того требовали законы академические.

— Противник сильно укрепился в труднодоступной горной местности. — Указка преподавателя с профессиональным изяществом скользила по учебному рельефу. — Вам надлежит ворваться на его позиции. Подумайте и покажите избранный вами маршрут на рельефе.

— Тут, — Скобелев ткнул пальцем в раскрашенный рельеф из папье-маше, не задумавшись ни на секунду.

— Позвольте, это же самое сложное направление. Потрудитесь подумать.

— Думать будет противник, когда я окажусь над его укреплениями с тыла.

— Но по указанному вами пути не пройдет артиллерия!

— Именно поэтому противник меня здесь и не ожидает.

— Но это противоречит всем правилам, признанным военными авторитетами.

— По правилам военных авторитетов воюют только совершеннейшие тупицы.

Именно в академии он и начал получать не одну, как все прочие, а две взаимоисключающих характеристики одновременно. По одной он отмечался как офицер, несомненно обладающий недюжинными военными способностями, житейской непритязательностью, чувством товарищества и даже скромностью. Зато вторая характеризовала его же, как самонадеянного шалопая, выпивоху, буяна и весьма дерзкого нахала. Первая принадлежала академической профессуре, вторая — академическим же преподавателям. Какая из них с наибольшей точностью отвечала действительности, определить было невозможно, потому что обе старательно описывали один и тот же характер с двух точек зрения.

Еще не закончив академического курса, Скобелев заскучал и подал рапорт с просьбой отправить его в зону военных действий, то бишь в Туркестан. Однако отец Дмитрий Иванович вовремя спохватился и заставил строптивного сына отозвать рапорт и терпеливо закончить учение. Скрепя сердце Скобелев подчинился, поднажал, закончил академию в первом списке, дающем право выбора места службы, и на законном основании выбрал Туркестанский военный округ.

Перед отъездом его пригласил заведующий кафедрой тактики академии Генерального штаба, генерал-лейтенант, профессор Михаил Иванович Драгомиров¹³.

— Я предполагал, что вы ринетесь на театр военных действий при первой же возможности, — сказал он, пригласив Скобелева сесть напротив служебного стола. — Я доволен и недоволен вами одновременно, однако убежден, что вы укрепите

---

¹³ **Драгомиров Михаил Иванович** (1830–1905), военный теоретик, генерал от инфантерии, в русско-турецкую войну 1877–1878 годов командовал дивизией, в 1878–1879 годах был начальником Академий Генерального штаба, затем командовал войсками Киевского военного округа. Считался последователем А.В. Суворова в вопросах обучения и воспитания войск, в области военной педагогики и тактики придерживался передовых взглядов.

мое первое впечатление и перечеркнете второе. Натура вы весьма сложная, оценивают вас, скажу откровенно, с двух взаимоисключающих точек зрения, почему я и позволил себе личное письмо со своей оценкой вашего характера. Письмо это я настоятельно прошу вас вручить от моего имени генералу Кауфману.

— Благодарю, ваше превосходительство, но...

— Никакого «но», ротмистр, — строго сказал Драгомиров. — Пекусь не о вас, а о будущем русской армии. Исходя из этого, позволю несколько советов относительно воспитания ваших завтрашних подчиненных.

Скобелев недовольно нахмурился и вздохнул, а Михаил Иванович улыбнулся.

— И все же прошу выслушать. Задача первая: что должен делать солдат, дабы победа над врагом досталась ему по возможности дешевле. Задача вторая: какое место во всех занятиях солдата должно быть представлено изустным примерам, а какое — личным примером командира. И наконец, задача третья: каким образом различные формы образования солдата слить в мирных упражнениях в одно целое так, чтобы ни одна из них не развивалась за счет другой.

Скобелев смотрел на профессора с искренним удивлением. Он не терпел советов, но то, что говорил генерал Драгомиров, не являлось советами.

Ему говорилось о проблемах солдатского воспитания, которые обязан был решать офицер. То есть, лично он, ротмистр Скобелев, равно как и все другие поручики и ротмистры, пехотинцы и кавалеристы.

— Письмо прошу лично вручить Константину Петровичу Кауфману, — сказал Драгомиров, вручая конверт. — Расстаюсь с твердой надеждой вскорости встретить вас генералом.

В начале 1868 года выпускник академии Генерального штаба штаб-ротмистр Михаил Скобелев прибыл в столицу генерал-губернаторства город Ташкент. Генерал Кауфман познакомиться с ним не спешил, и конверт с рекомендацией Михаила Ивановича Драгомирова долго валялся на самом дне скобелевского сака¹⁴. Штаб-ротмистр быстро обзавелся приятелями, а туркестанские ночи стояли на редкость холодными, и как-то на очередной веселой попойке письмо Драгомирова, адресованное Константину Петровичу, послужило отличной растопкой для спасительного дружеского костра...

3

---

¹⁴ Сак — в кавалерии: торба, мешок.

Человек, которому Российская Империя была обязана присоединением жирного куска территории, генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман отличался отменной уравновешенностью, иногда, впрочем, прерываемой приступами вспыльчивости, в которых он тут же искренне раскаивался, отсутствием юмора, но пониманием, что тот в принципе имеет право на существование, и немецкой любовью к порядку. Он не любил офицерского озорства, шумных попоек, а уж тем паче дуэлей, запрещенных, а потому и строго наказуемых, но, как ни странно, не любил и самих наказаний за это нарушение. Он вообще относился к своим подчиненным по-отечески, стараясь выискивать по возможности наказания мягкие, но при этом стремился избавиться от нарушителей спокойствия как можно скорее. Генерал Драгомиров отлично изучил его нрав, отчего вопреки всем правилам и собственным принципам и снабдил строптивного Скобелева рекомендательным письмом, весело сгоревшим на не менее веселой офицерской пирушке в холодную ночь.

В одну из таких темных ночей и случилось событие, послужившее причиной личного знакомства генерал-лейтенанта фон Кауфмана с штаб-ротмистром Михаилом Скобелевым.

Несмотря на многочисленные поражения,

неуловимые то ли бухарские, то ли кокандские шайки продолжали активно действовать в тылу русских войск, поскольку никакого фронта не существовало, да и существовать не могло на огромной территории при весьма ограниченной численности русских. Единственным спасением от дерзких налетов служили усиленные кавалерийские разъезды и дозоры, они бдительно охраняли, особенно по ночам, и сам Ташкент, до которого, случалось, добирались особо отчаянные джигиты не столько во имя отмщения, сколько ради угона скота и грабежа мирного населения. И в одну из темных ночей казачий разъезд неожиданно услышал странные крики.

— Середина, что ли? Черт, ну и темнотища! Собственного пистолета не вижу.

— Считайте шаги, поручик!

— А зачем? Мы все равно друг друга не видим. Скорее пистолетами столкнемся...

— Полагается по дуэльному кодексу. Вы когда-нибудь видели хоть одного сардинца?

— Нет, но сардинки видел. В банках. Хорошая закуска под мадеру, доложу вам...

— А может, ротмистр этот... Скобелев, что ли?.. Выдумал про сардинскую дуэль? Это же глупость несусветная: в кромешной темноте друг в друга палить.

— Зато романтично, господа. Ночь, прохлада,

звезды в небе. Командуйте, капитан, командуйте.

— В такой-то черноте? Может, я к ним, к дуэлянтам, вообще спиной сейчас стою. Или нас с вами, ротмистр, уже и на самую линию огня вынесло. Представляете, если они с двух сторон одновременно из револьверов шарахнут?

— Не тяните время, капитан. Орем на весь Туркестанский край вместо того, чтобы делом заниматься.

— Ну, черт с вами, ротмистр. Слушай команду! Сходитесь! После трех шагов имеете право стрелять. Раз... Два... Три!..

В темноте раз за разом застучали частые револьверные выстрелы. Кто в кого палил, было неясно, но казачий подъесаул приказал своим казакам дать залп в воздух. Наступила тишина, и подъесаул заорал, срывая голос:

— Прекратить стрельбу! Бросить оружие! Вы окружены, в случае неповиновения открываю огонь!..

Вся шумная компания была арестована и препровождена в штаб командующего. Кауфман вообще вставал очень рано, а уж ради такого случая явился незамедлительно и тут же приступил к допросам задержанных, однако штаб-ротмистру Скобелеву пришлось помаяться, поскольку он был вызван последним.

— Штаб-ротмистр Скобелев! Честь имею

явиться!

Генерал долго глядел на него прищуренными от недосыпа глазами. Потом спросил с какой-то незаинтересованной ленцой:

— Вы-то хоть бывали в Сардинии?

— Так точно, ваше превосходительство! Награжден орденом, врученным лично Его Величеством королем Сардинии!

— И с какой же мыслью вы придумали эту идиотскую дуэль в кромешной мгле?

— Только ради ее идиотского исполнения, ваше превосходительство.

— Не вполне уразумел. Извольте пояснить.

— Мне хорошо известно, что дуэли категорически воспрещены его императорским величеством, однако сие абсолютно правильное решение натывается на преувеличенное представление о чести среди господ офицеров. Исходя из этого я предложил дуэль сардинскую: пальба из полного барабана, но в полной темноте. Это наиболее гуманная из всех дуэлей, известных мне.

— Но ведь ее же не существует в природе, ротмистр, — вздохнул Кауфман.

— Безусловно, ваше превосходительство. Однако никто из офицеров местного гарнизона толком не знает даже, где находится эта самая Сардиния, не говоря уже о ее обычаях.

— Следовательно, выдумали?

— Скорее обдумал, ваше превосходительство.

При ясном свете дуэлянт вынужден либо стрелять, подвергая жизнь товарища опасности, либо отказаться от выстрела, неминуемо и навсегда теряя свою честь. А тьма весьма благодетельна. Дуэлянт может пальнуть в небо, сберегая жизнь товарища, либо лечь на землю, сберегая жизнь собственную. Таким образом нарушение императорского запрета обретает форму несколько, так сказать, эфемерную. Осуществляется как бы извечная девичья мечта: получить удовольствие, сохранив невинность.

— Идея, бесспорно, блистательная, — сказал, помолчав, Кауфман, усилием воли сдерживая рвущуюся из-под усов улыбку. — Однако дуэль состоялась и, следовательно, состоялось и дерзкое нарушение категорического запрета Государя-Императора. В самой дуэли вы, правда, участия не принимали, но являлись ее вдохновителем и изобретателем. Что печально, потому что я имею честь быть в дружеских отношениях с вашим батюшкой еще по Кавказу и глубоко чту вашего деда. Получите устный выговор за вдохновение и не вздумайте теперь переносить что-либо из обычаев Датского Королевства на русскую почву. Можете идти, ротмистр. И не болтайте об этом попусту.

Константин Петрович никогда не предавал

огласке свои как служебные, так и private разговоры, но слух о его беседе с ротмистром Скобелевым все же вырвался из стен кабинета. Виною тому был туповатый адъютант самого командующего, красавец-кирасир, сын известного генерала и боевого друга Кауфмана. Потешались над незадачливыми дуэлянтами, попавшимися на скобелевскую удочку, над фарсовостью ситуации, но самого ротмистра, как правило, не задевали. Наоборот, в этом необычном происшествии он выглядел скорее антрепренером, нежели водевильным героем.

Ночные «сардинские» дуэли прекратились, смолкла пальба в темноте, да и сам Скобелев немного угомонился. Во всяком случае, не мелькал без надобности пред начальственными очами. Занимался гусарским полуэскадром, в котором временно замещал заболевшего командира, и офицерская молодежь поговаривала, что столичный хлыщ поджал хвост после первого же сурового разговора с Константином Петровичем. Однако же тут случилось событие, заслонившее собою все шуточки, сплетни и пересуды.

Дело было и вправду из ряда вон выходящим. Сотня уральских казаков, сопровождавшая перегон купленных для армии верблюдов, попала в окружение, хорошо продуманное и подготовленное командиром кокандского отряда. Окруженная со

всех сторон джигитами, сотня вела трехсуточный непрерывный бой с четырьмя тысячами отлично вооруженных кавалеристов, решительно отвергая многочисленные предложения сложить оружие и сдаться на милость победителя. Трое суток без малейшего отдыха, без воды при страшной жаре держались казаки за спинами собственных лошадей, пока не подошла подмога. Командовал сотней немолодой серьезный есаул Серов, мгновенно ставший самым знаменитым человеком во всем Туркестане.

Скобелеву не терпелось лично засвидетельствовать свое восхищение казакам, но он выждал, когда спадет первый ажиотаж. Ему хотелось потолковать с их командиром, а не просто поздравить уральцев с победой да выпить с ними добрую чарку. А выждав время, пришел. Поклонился казакам, долго, прочувствованно, двумя ладонями тискал руку есаула, выпил, как положено, а потом все же отвел Серова в сторонку ради того разговора, который уже обдумал.

— Как в засаду попал? Неужто дозоры проворонили?

— Наши дозоры кокандцы без шума ножами сняли, — есаул невесело усмехнулся. — Любопытствуешь?

— Знать хочу. Мне воевать с ними.

— Другое дело, — есаул спрятал усмешку. —

У них текинские кони. По пескам сутки без еды скакать способны. Не уйдешь и не догонишь.

— А вооружены как?

— Эти английские скорострелки имели. И первым делом всех наших коней постреляли.

— На скаку?

— На скаку они стреляют скверно. Но им и не надо было на скаку стрелять. Их винтовки дальнобойнее наших бердан. Так что с седел и палили. Прицельно и не спеша.

— А ты что предпринял?

— Конскими трупами огородился со всех сторон да и залег с казаками.

— Атаковали часто?

— Совсем не атаковали. Измором хотели взять, потому и орали, чтобы мы на милость сдались. А мы, как на грех, без воды оказались, рассчитывали на колодцы впереди.

— Как же вы три дня под солнцем...

— Копыта дохлых лошадей лизали, перед рассветом они мокрыми становятся. Ты учти это, ротмистр, когда всерьез воевать с ними придется.

— Учту непременно. Спасибо за науку, есаул.

— И еще одно, — сказал есаул. — Так, для памяти. Их джигиты у своих убитых коней хвосты отрубают вместе с репицей. Хан за отрезанный хвост нового коня дает. Потому как это — доказательство того, что конь в бою пал. Так что

ежели где бесхвостого коня увидишь, знай, что джигиты тут проходили. Воины, а не банды какие.

— Еще раз спасибо тебе большое, есаул. Давай обнимемся на прощанье.

Казаки получили ордена и медали, сами выбрали казенных лошадей взамен убитых, с удовольствием надели новую форму, подогнали выданное им новенькое снаряжение и ускакали на свои беспокойные рубежи. А Скобелев за это время сдал полуэскадрон выздоровевшему законному командиру и скучно околачивался при оперативном отделе.

Сейчас он избегал былых шумных компаний. Светские сплетни и слухи о том, что бравый гусар перепугался суровой выволочки Кауфмана, доказали, что друзей у него нет, а есть лишь собутыльники да случайные приятели. Кроме того, он все время думал о разговоре с есаулом Серовым, который старательно, слово в слово, занес в специально купленную ради этого толстую тетрадь.

Друг объявился сам. Да не какой-нибудь, а проверенный на совместном пансионном житье в городе Париже. Негромкий, улыбчивый юный княжич Насекин: единственный, к которому все обращались только на «вы», потому что сам князь признавал только такую форму общения даже с прислугой. Скобелев не видел его со времен своего скоротечного обучения в университете, не знал,

закончил ли он его, как живет и что подделывает. И обрадовался его внезапному приходу до того, что даже сграбастал в объятия, хотя знал, что князь не очень-то жалуется столь бурные проявления чувств.

— Серж, дорогой вы мой! Вот уж кого не ожидал увидеть в пропыленной глуши нашей, так это — вас. Каким ветром занесло вас в эти Палестины?

— Говоря откровенно, меня об этом попросили, и я сразу же согласился.

— Кто же вас попросил? — поинтересовался Скобелев, слегка уязвленный княжеской прямоотой.

— Наш ментор, Скобелев. Монсиньор Жирардэ.

— А... Простите, не очень понял. С какой целью?

— Он немного стесняется своего французского акцента, оттого и пожелал, чтобы я сопровождал его.

— А что у него за надобность в Туркестане?

— По-моему, просьба вашей матушки Ольги Николаевны, отказать которой у него всегда недоставало сил.

Скобелев окончательно запутался во всех причинах и следствиях. Но, сосредоточенно помолчав и основательно подумав, спросил напрямик:

— Значит, уважаемый мэтр Жирардэ прибыл

проверять, как я себя веду? Кто же матушке на ушко нашептал, интересно?

— Я не коллекционирую чужих секретов, Мишель, — князь улыбнулся бледной усталой улыбкой.

— Прощения прошу, Серж, — Скобелев вздохнул. — Всю жизнь под присмотром хожу.

— Понимаю ваши чувства, Мишель, однако... — Князь Насекин достал хронометр, щелкнул крышкой. — Однако прошу извинить. Через тридцать семь минут наш мэтр ждет нас в ресторане славного города Ташкента.

— Согласитесь, князь, что все это по меньшей мере странно, — недовольно бормотал Скобелев, пристегивая саблю. — Меня воспитывают раньше, чем я даю повод для этого...

Настроение его было вконец испорчено, и он надутно молчал всю дорогу. Насекин молчал тоже, благо до единственного ресторана Ташкента было рукой подать. То ли потому, что в чем-то соглашался с другом, то ли потому, что не соглашался, но, как всегда, не спорил по свойственной ему крайней щепетильности.

Они вошли в небольшой ресторанчик, открытый расторопным армянином в основном для господ офицеров. Еще у входа Скобелев заметил своего старого наставника, однако месье Жирандэ был не один. Рядом с ним сидел бородатый

молодой человек в партикулярном платье ¹⁵, которого ротмистр сразу же узнал, хотя до сей поры знаком с ним не был, поскольку никто их друг другу не представлял. Это был художник Василий Васильевич Верещагин, которого Кауфман прикомандировал к себе с титулом «состоящего при генерал-губернаторе прапорщика». Увидев вошедших, «состоящий при генерал-губернаторе прапорщик» тотчас же встал, протянул Скобелеву руку и добродушно улыбнулся:

— А вот и наш гусар-шалунишка!

Скобелева бросило в жар: он терпеть не мог развязной фамильярности. А поскольку застал Верещагина за столом вместе с Жирардэ, то тут же и решил, что именно этому «состоящему при генерал-губернаторе» он и обязан приезду в Ташкент самого Жирардэ. Сухо ответив на рукопожатие, сказал неприязненно:

— Теперь я, кажется, понял, в чем состоят обязанности состоящего при губернаторской особе.

Сейчас уже Верещагина бросило в жар, но он сдержался. И даже заставил себя улыбнуться почти с прежним добродушием:

— Не горячись, Скобелев. И крестись, коли что кажется.

---

¹⁵ В партикулярном платье — то есть в штатском.

— Мы уже перешли на «ты»?

— С этого мгновения, — сказал Василий Васильевич. — Питаю необъяснимую слабость к натурам дерзко откровенным.

— Мишель, — по-французски начал было месье Жирардэ, и в тоне его прозвучала мягкая укоризна. — Мы так мило беседовали о Париже...

— Простите, господа, вынужден вас покинуть. — Верещагин поклонился, пошел было к выходу, но остановился:

— А ведь мы непременно станем друзьями, гусар. У меня — предчувствие.

И вышел.

— Садитесь, друзья мои, — расстроено вздохнул Жирардэ. — Никогда не следует горячиться, Мишель. Никогда. Я заказал обед по рекомендации любезного господина Верещагина. Вам необходимо извиниться перед ним, Мишель. Необходимо. И не откладывайте сего благородного поступка в долгий русский ящик.

Скобелев недовольно фыркнул, но промолчал.

Глава вторая

1

Двадцатитрехлетний художник Василий

Васильевич Верещагин возвращался домой в странном, каком-то раздвоенном настроении. С одной стороны, он чувствовал себя оскорбленным каким-то неясным для него, но явно гнусным подозрением, а с другой — был в известной мере очарован дерзкой искренностью молодого ротмистра. Он всегда высоко ценил человеческую откровенность, и потому это «второе» и перевешивало сейчас «первое» в его душе. Он и себя считал человеком порывистым, готовым на поступки необдуманные, продиктованные куда чаще темпераментом, нежели рассудком, но был скорее человеком решительным, правда, не терял при этом способности поступать порою импульсивно. Например, он сжег три своих картины («Забытый», «Окружили — преследуют» и «Вошли») более под влиянием минуты, чем после зрелого размышления.

Как только он прибыл в Ташкент, Кауфман прикомандировал его к себе с титулом «состоящий при генерал-губернаторе прапорщик Верещагин» только ради того, чтобы дать ему как можно больше свободы ходить, смотреть и рисовать не только быт, но и боевые действия без придинок местных командиров. И в том огромном военном лагере, который тогда представлял собою Туркестан, это оказалось огромным преимуществом, которое Верещагин весьма быстро

оценил.

Он впервые заметил ротмистра Скобелева на скромной выставке собственных рисунков, организованной Кауфманом, и молодой гусар ему понравился. А заметил потому, что уже был наслышан и о безудержных попойках Мишки Скобелева, и о суточных карточных играх, и в особенности о «сардинских» дуэлях, юмор которых оценил по достоинству. Ничем иным Скобелев тогда не выделялся и мог только мечтать о той воинской славе, которая досталась художнику Верещагину.

Василий Васильевич приехал в Самарканд на второй день после его сдачи русским войскам и был, по его собственному признанию, «ослеплен и подавлен» красотой древней столицы Тимура¹⁶. Он бродил по городу и разъезжал по окрестностям, поражаясь, удивляясь и бесконечно зарисовывая увиденное. Помощник самаркандского коменданта майор Сергеев напрасно умолял его не рисковать жизнью понапрасну, но Василий Васильевич не обращал ни малейшего внимания на его

---

¹⁶ **Тимур (Тамерлан)** (1336–1405), знаменитый полководец, создатель среднеазиатского государства со столицей в Самарканде. Разгромил Золотую Орду, совершал походы в Иран, Закавказье, Индию, Малую Азию и др.

предостережения и уговоры, ежедневно с раннего утра, а то и лунной ночью продолжая смотреть, удивляться и — рисовать.

Однако напряженные отношения с Бухарой не позволяли генералу Кауфману долго оставаться в городе. Он двинулся вперед с отрядом в полторы тысячи человек, оставив в Самарканде гарнизон численностью около пятисот солдат и офицеров под командованием коменданта барона Штемпеля. Очарованный древней Маракандой¹⁷ Верещагин не последовал за войсками, с прежним упорством бродя по узким улочкам, не уставая восхищаться великолепием мечетей, дворцов и гробниц. Однако через несколько дней, когда он, утомленный утренней прогулкой, пил чай в доме, в котором его поселили, внезапно раздались выстрелы и дикие крики: «Урр!...» Схватив револьвер, он бросился на шум.

Как потом выяснилось, около двадцати пяти тысяч восставших узбеков по сговору с самаркандцами ворвались в город и завязали бои на его узких и тесных улочках. И бои эти длились восемь дней без малейшего перерыва.

Верещагин успевал всюду. Отбивал бешеные

---

¹⁷ **Маракандой** называли Самарканд с IV в. до н. э. по VI в. н. э.

атаки восставших, отстреливался, вспомнив выучку в Морском корпусе, несколько раз схватывался врукопашную и только чудом выходил из боя живым. Однажды его схватили и затащили в лавочку, но подоспевшие солдаты успели его отбить.

Одна из внезапных атак неприятеля на артиллерийскую батарею оказалась особенно грозной. Солдаты дрогнули и заметались, их командир полковник Назаров напрасно кричал и даже бил их шашкой, это только усиливало панику. Тогда Василий Васильевич сам бросился вперед с ружьем наперевес:

— За мной, братцы!..

Рядом с ним было убито около сорока человек, все парусиновое пальто его было залито кровью: с того дня он ходил в атаки в одной рубашке и холщовых штанах. Поярковую¹⁸ шляпу его сбило пулей, и Верещагин вынужден был надеть на голову чехол от офицерской фуражки, чтобы уберечься от беспощадного туркестанского солнца. Однажды пуля ударила в ложе винтовки, которое в этот момент он по счастью нес поперек груди, камнем разбило ногу, да так, что кровь с

---

18 **Поярковая** — шерстяная, из шерсти ягнят первой стрижки.

трудом остановили. Отчаянный штурм продолжался восемь дней и восемь ночей без единого перерыва; силы защитников были уже за пределом человеческих возможностей, и на военном совете решено было взорвать крепость в случае прорыва противника. Против решительно выступил только Василий Васильевич:

— Взорвать всех — проще простого и как-то уж очень по-военному. Но в крепости Самарканда не только военные и не только русские. Здесь укрылись и армяне, и мирные киргизы, и евреи, и Бог весть, кто еще, но все — с семьями. С женами, детьми, стариками. Вправе ли мы жизнью их распоряжаться? Думаю, что нет у нас такого права.

— Да их все равно перережут, Василь Васильич! — вздохнул полковник Назаров. — Нет, не прав ты. Ради чести воинской, ради знамен и пушек, которые потом по нашим же стрелять будут, мы должны взорвать всю крепость, когда своей крепости не хватит.

— Всех перережут? — тихо спросил Верещагин, и все примолкли. — Откуда уверенность такая, полковник? Да если хоть один мальчонка, хоть девочка одна крохотная уцелеет, и то — благо великое. Нет таких крепостей, чтобы ради их взрыва, ради чести, знамен да пушек хотя бы один безвинный ребенок погиб!

Весь гарнизон, все, спрятавшиеся в крепости,

звали Верещагина одинаково: «Василь Васильич», как самого близкого, почти родного человека. Он таким и был. Несмотря на страшную усталость, перевязывал раненых, находил ободряющие слова для растерявшихся и даже умудрялся хоронить убитых.

— Я не помню, чтобы я спал, — говорил он впоследствии. — Порой проваливался в черноту, но никак не более чем на полчаса.

Пять раз посылали вестников из мирных киргизов, что тоже прятались в крепости вместе с семьями, и четыре раза их отрубленные головы осаждающие перебрасывали через стены обратно в крепость. До Кауфмана добрался только пятый, который и передал ему написанную по-немецки записку от коменданта барона Штемпеля: «Гарнизон в крайности. Более половины людей перебито и перерезано. Нет ни воды, ни соли». Кауфман немедленно двинулся к Самарканду форсированным маршем, поднял на штыки осаждавших, сжег базар, и только тогда распахнулись крепостные ворота.

— Наибольшим героем осады показал себя состоящий при вашей особе прапорщик Верещагин.

Таковы были первые слова коменданта крепости дважды раненного барона Штемпеля. Прежде официального рапорта.

— Верно, ваше высокопревосходительство, —

прохрипел тяжело опирающийся на винтовку унтер. — Раньше чем нашему Василь Васильичу никому крестов давать невозможно.

— А где же сам Верещагин? — удивленно спросил Константин Петрович, оглядываясь.

Бросились искать, но нашли с трудом. Василий Васильевич крепко спал в углу прохладного каземата. А когда его, не проспавшегося, доставили в штаб, где генерал Кауфман при всех объявил ему личную благодарность, заявил:

— А вот у меня нет к вам никакой благодарности. Вы ушли, крепость не устроивши.

У Константина Петровича хватило ума и такта не обратить на эту дерзость никакого внимания. И спокойно продолжить тем же задушевным тоном:

— Высоко ценя вашу храбрость и преданность Государю, я решил ходатайствовать перед его императорским величеством о награждении вас офицерским Георгиевским крестом, уважаемый Василий Васильевич.

— Вот уж нет! — закричал вдруг Верещагин. — Нет, нет и нет! Откажусь прилюдно и со скандалом!

Теперь пришла очередь свирепеть Кауфману. Вначале он просто орал, но Верещагин тоже орал в ответ. Тогда Константин Петрович переменял тон и начал его уговаривать, но упрямый, грязный, не

выспавшийся и бесконечно усталый художник упорно твердил свое. Кауфман замолчал, сдвинул брови и пошел прямо на Василия Васильевича. Верещагин примолк и начал пятиться, пока не уперся спиной в стену. И как только это случилось, генерал молча снял офицерский Георгиевский крест с собственной груди и нацепил его на Верещагина.

— Я носил его пятнадцать лет с честью и достоинством. Посмейте только снять!

2

Об этой истории поведал Жирардэ в общих чертах еще за обедом: подробности Скобелев узнал от самого Василия Васильевича позднее, когда они и вправду подружились. Но и услышанного сейчас было достаточно, чтобы обозвать себя дураком и надуто слушать нравоучения достопочтенного мэтра.

— Простите, мой дорогой, но как вам могла прийти в голову идея какой-то странной дуэли в полной темноте? Шутка весьма дурного вкуса, о чем его высокопревосходительство и уведомил вашего батюшку в специальном послании. Ваш батюшка написал ответное письмо, которое зачитал мне.

— И что же он пишет? — угрюмо поинтересовался Скобелев.

— Он просит его высокопревосходительство не держать вас более в Ташкенте, а командировать в отряды, действующие против номадов¹⁹. А матушка просила справиться о вашем здоровье и питании. Кроме того, она прислала вам посылку...

В посылке из отчего дома оказалось и отцовское вложение: бутылка отменного коньяка, что весьма обрадовало беспутного сына. В тот же вечер, едва проводив месье Жирардэ до снятого им номера в гостинице, ротмистр сунул завернутую в бумагу бутылку под мышку и отправился разыскивать Василия Васильевича.

Верещагин встретил его в изрядно перемазанном красками халате, но, видимо, со сна, а не от мольберта, и потому выглядел несколько недовольным, сказал:

— А!..

— Вот именно, — проворчал Скобелев и поставил на заваленный рисунками стол заветную отцовскую бутылку. — Давай мириться, Верещагин. Я был свински не прав.

— Мириться готов, только не за этим столом, — Василий Васильевич первым делом переставил бутылку, мгновенно оценив ее. —

---

¹⁹ **Номады** — кочевники, слово имеет древнегреческое происхождение.

Неплохой коньячок нам предстоит, ротмистр. Правда, пить придется из кружек. Это тебя не слишком огорчит?

— Было бы что пить.

— Тут мы с тобой сходимся, — Верещагин притащил две солдатские кружки, кое-какую снедь и расположил все это на измазанной засохшими красками какой-то подставке. — Закуска, конечно, не ахти, но ты уж извини вольного художника.

Он сам деловито открыл бутылку, плеснул в стаканы.

— Ну?

— Прощаешь?

— Я, Мишка, искренность превыше всех качеств человеческих ценю, потому как Россия врет. Врет вся сплошь и сплошь беспардонно, привычно и равнодушно.

Они со вкусом выпили, со вкусом закусили. И только после этого Скобелев спросил:

— А где твой офицерский Георгий?

— Где-то в ящике валяется.

— Зачем же? Я свои ношу. Вот этот — Датского Королевства, а этот пожалован мне королем Сардинии.

— На мундире ордена смотрятся. А на блузе художника — извини, вроде блямбы не по чину.

— Надо по второй винной порции принять непременно, — вздохнул Скобелев. — Разговор —

как на светском рауте. А мне хотелось бы по душам.

— Ну, давай по душам.

Приняли по второй и почему-то замолчали. Потом ротмистр спросил, не весьма, впрочем, уверенно:

— Ты знал, что смел до отчаянности?

— Знал? — Верещагин пожал плечами. — Нет. Скорее, наоборот. Я в детстве темного леса боялся. Особенно когда кругом — одни матерые ели. И — ветер. А они шумят и лапами машут.

— А в рукопашной как же? Там ведь не лапами, там саблями машут. А о тебе вон солдаты легенды складывают.

— Там — другое, там лица видны. Знаешь, я совершенно отчетливо помню свирепые, перекошенные какие-то рыла. Помню красные отблески пожаров на солдатских штыках и до сей поры слышу хриплые, сорванные крики офицеров, подававших команды. И, поверишь ли, какой-то голос будто шептал мне: «Ты не погибнешь. Ты все запомнишь, что увидишь, и нарисуешь потом в своих картинах».

— А что же тогда, по-твоему, воинская храбрость?

— Храбрость?.. — Верещагин снова пожал плечами, что было его любимым жестом в затруднительных обстоятельствах. — Что-то особо

яростными храбрецами мне не показались. По-моему, тот, кто ярость и злобу свою сумел волею своей в себе подавить, кто и в бою ума не теряет, только тот воистину храбр. Мне, Миша, отец в детстве еще про деда твоего рассказывал, как он в атаку полк за собою вел в битве под Бородином. Ведь не темная же ярость его вела? Как считаешь?

— Не знаю, что тебе и сказать... — Скобелев неуверенно улыбнулся. — У нас на Руси издавна храбрость да отвага воинская превыше всего ценятся. Может, об этом он думал? Он же все уже доказал, и себе, и всем. Полк уж догнал его, дед ранен был, а все равно бежал. Не потому ли он, уж обессилев, уж еле на ногах держась, на врага бежал, что о своем же будущем думал? О сыновьях, обо мне.

— Мистика какая-то.

— Может, и мистика, а только отец у меня — генерал, я Академию Генерального штаба закончил, карьера впереди, если сам ее не испорчу. А ведь — крестьянский внук, Вася. Мои сестры — тоже, естественно, внучки крестьянские — и того больше. Одна — графиня, вторая — княгиня, а третья аж за герцога Лейхтенбергского замуж выходит. Не об их ли счастье дед мой Иван Никитич думал, когда, кровью истекая, искалеченным на противника бежал и бежал?.. Вот о чем я иногда задумываюсь, а

это очень опасно, потому что военный человек только над картами задумываться должен.

— Над картой или над картами, гусар? — улыбнулся Василий Васильевич.

— Как над теми, так и над другими! — рассмеялся Скобелев. — Наливай, Вася, добрый коньяк кровь полирует...

Отполировали кровь полукружечками, помолчали. Потом гость сказал задумчиво:

— В серьезных делах мне еще бывать не приходилось, но в тех налетах, которые на мою долю достались, мне празднично было. Будто бережет меня кто-то, будто и пуля та еще не отлита, и сабля та еще не откована, которые душу из меня выпустят. Странно все это, Вася, не правда ли?

— Наверно, это и есть храбрость прирожденная, — сказал Верещагин, подумав. — Для тебя и бой — праздник, а для меня — тяжкая необходимость. О себе я не думал, не до того было. Крики, стоны, вопли кругом нечеловеческие, какой уж тут праздник, когда вокруг страдания да кровища.

— Но в то, что уцелеешь, ты верил и в этой кровище. Ведь верил же, верил!..

— Говорил я уже про голос. — Василий Васильевич помолчал и вздохнул. — Только за все кредиты, Михаил, рано или поздно расплачиваться приходится.

— И часто ты думаешь об этом?

— Если и шевельнется такая мысль хоть на миг единый, тотчас же из себя ее гоню, — очень серьезно сказал Верещагин. — И ты, Скобелев, гони ее беспощадно. Чему быть, то и должно быть, того не миновать. Вот за это и выпьем.

— За миг единый? — улыбнулся ротмистр.

— В таком миге вся жизнь, Мишка. Только он и ослепляет. Остальное — серенькое.

Оба встали и весьма торжественно чокнулись оловянными солдатскими кружками.

3

Вскоре меье Жирардэ решил воротиться в Москву. Не только для того, чтобы, как он выразился, засвидетельствовать Ольге Николаевне свое глубочайшее уважение, но и заверить ее, что любимый сын не дает ни малейших поводов для беспокойства. Михаил Дмитриевич очень любил и почитал своего учителя и воспитателя, но был рад его отъезду. Он не выносил «надзора за собой», как он выражался, даже со стороны весьма близких людей.

Поэтому его неприятно насторожило желание князя Насекина остаться в Ташкенте на неопределенное время. Скобелев заподозрил в этом желании тот же элемент надзора, прямо спросил

Насекина об этом, но князь лишь смущенно улыбнулся:

— Господь с вами, Мишель, я не гожусь на подобные роли. А причина, почему я решил остаться, весьма прозаична и проста, хотя и представляется мне сегодня чрезвычайно благородной. Вот почему мне показалось, что именно здесь, на воюющей окраине, я наконец-то найду занятие по душе.

— Уж не решили ли вы, Серж, записаться в Туркестанскую армию волонтером?

— И на это я не гожусь. Однако здесь столько больных, раненых да и просто неприкаянных людей, что я решился открыть в Ташкенте нечто вроде Дома призрения с лечебницей при нем. Кажется, это единственная сфера, где мое состояние, связи да и я сам можем принести посильную помощь.

Они беседовали в том же единственном ресторане, в котором недавно Скобелев познакомился с Верещагиным. Пришли сюда пообедать после проводов месье Жирардэ, выпили по рюмке за его счастливую дорогу, но потом бутылку Скобелев приканчивал в одиночестве.

— Что вы намереваетесь делать вечером, Мишель?

— Вечером я намереваюсь навестить некую весьма аппетитную брюнетку. В присутствии

ментора я воздерживался от подобных визитов, но длительный пост — не для меня. Если желаете, можем пойти вместе: у нее найдется очаровательная подружка.

Князь улыбнулся бледной улыбкой:

— Увы, мой друг. Я ценю дамское общество, но предпочитаю дам скромных и умных дамам, приятным во всех отношениях.

— Мы с вами — полная противоположность решительно во всем, — вздохнул Скобелев. — Если вы — образец, то я, представьте себе, устроен наоборот. Вполне возможно, что во всем виновато первое общение с особами женского пола, кто знает. Только так случилось, что лет двенадцати от роду, что ли, я до безумия влюбился в девочку моего возраста, дочь соседнего помещика. Мы мило играли с нею, пока я однажды не почувствовал, что буквально сгораю от желания наброситься на эту милую воспитанную скромную девочку, как зверь. Тогда я убежал от нее, но не спал всю ночь, боясь, что проснусь с тем же звериным желанием. И валялся в кровати, изнемогая от безумного внутреннего перенапряжения: вам, Серж, уверен, тоже знакомо это отроческое чувство пробуждения. И тут вдруг вошла горничная, довольно миловидная девица лет этак восемнадцати. Она что-то сказала, но совершенно не помню, что именно, потому что я вскочил и бросился на нее головой вперед. Я рычал,

плакал и бодал ее пышную грудь собственным лбом, пока не прижал к стене. Не знаю, что было бы далее, если бы она испугалась или закричала. Но она не испугалась и не закричала, а все поняла. И приняла мой порыв с лаской и полным сочувствием, быстро и вполне достойно избавив меня от всех моих внутренних дьявольских мучений. И с той поры я чувствую себя невероятно скованным и неуклюжим в обществе умненьких скромных девиц и блаженствую в окружении непритязательных представительниц полусвета. И тут уж, видно, ничего не поделаешь: по всей вероятности, детский опыт закрепляется на всю жизнь.

— Из вашего признания следует, что мы оба в чем-то ущербные люди, — улыбнулся князь.

Уже на следующий день Скобелев неожиданно был вызван к генералу Кауфману. Константин Петрович был строг и настолько деловит, что даже не предложил сесть.

— Мне вовремя подсказали, что вы истомились в бездействии, ротмистр. Завтра возглавите поисковую группу и выедете к колодцам Орта-Кую. Вам надлежит проверить идущую там караванную дорогу в обе стороны, но не более, как на пять верст. В сражения не ввязываться, даже если противник покажется вам малочисленным.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Меня интересуют возможные перемещения хивинских и кокандских отрядов, как таковых. Численность — дело второстепенное, основное — направление движения подобных отрядов.

Приказ был довольно расплывчатым, и ротмистр отлично понял, что его проверяют в первом самостоятельном деле. Это несколько обижало самолюбивого Скобелева, но к предстоящему походу он подготовился с особым тщанием. Весь день просидел в топографическом отделе штаба, пока досконально не разобрался в немыслимом переплетении караванных троп. До такой степени, что был способен теперь, не задумываясь, набросать их по памяти.

На другой день он спозаранку выехал во главе сборного отряда, состоящего из гусарского полуэскадрона и полусотни уральских казаков. Гнал он их быстро и беспощадно, не обращаясь к проводнику из местных, а полагаясь на собственную зрительную память и точность штабных карт. Топографы не подвели, и конная группа прибыла к указанным Кауфманом колодцам, возле которых никого не оказалось. Однако свежих конских следов было достаточно, и пожилой уральский урядник долго разглядывал их.

— Наметом шли, — доложил он Скобелеву. — Один конь на правую переднюю заметно припадает, но гнали и его, чтоб от других

не отстал. Стало быть, уходили от кого-то, твое благородие, но от кого, не поймешь, других следов нет.

— Вот и глянем, от кого они уходили, — решил Скобелев. — Усилить дозоры, уряднику с пятеркой казаков — вперед. И глядеть в оба, ребята.

Версты через три урядник, командовавший головным дозором, прислал казака сообщить, что наткнулся на место боя, но никакого неприятеля не обнаружил. Скобелев тут же приказал разворачиваться, и галопом помчался вслед за посланцем.

Вскоре за барханом открылся высохший до звона копыт такыр²⁰. На нем валялось с десятков конских трупов, уже вздувшихся от страшной жары, но ни человеческих тел, ни обломков оружия, ни каких бы то ни было посторонних предметов Скобелев не заметил. С седла он поначалу вообще не разглядел ни людских следов, ни отпечатков конских копыт, но в некоторых местах все же

---

²⁰ **Такырами** называют плоские глинистые поверхности, расположенные в понижениях рельефа пустынь и полупустынь Средней Азии и Южного Казахстана, площадью от нескольких кв. метров до десятков кв. километров. Летом гладкая поверхность такыров разбита трещинами на отдельные многогранники, весной или после дождей летом такыры часто превращаются во временные озера.

приметил пятна засохшей, побуревшей до черноты крови. Спешившийся урядник, доселе внимательно оглядывавший такыр, подошел с докладом:

— Похоже, рубка была, твое благородие. Но скоротечная и какая-то не очень, чтобы уверенная. Вроде как нечаянно друг на друга напоролись, порубились в спешке да и разбежались.

— И никого не убили?

— Может, и никого, а, может, и с собой увезли. Коли хоть какая возможность есть, они своих мертвых не бросают. Говорили мне, будто Коран им не велит.

— Много их было?

— По следам определить трудно, такыр затвердел, отпечатки слабые. Может, сотня, а может, и все полтысячи. Видать, дикие отряды друг на друга напоролись, порубились нехотя, да и разбежались от греха.

Скобелев спрыгнул с седла, бросил поводья коноводу, прошелся, внимательно вглядываясь. Следов почти не было заметно, а те, что все же кое-где отпечатались, оказались бессистемными и запутанными. Понять, кто на кого наткнулся и кто куда убежал после скоротечной рубки, было совершенно невозможно, Ротмистр оставил это занятие и пошел к лошадиным трупам, уже вонявшим на палящем солнце. Он хорошо помнил слова отважного есаула Серова, сказанные как бы

между прочим, для памяти. И действительно, у трех мертвых коней хвосты были отрублены вместе с репицей.

— Дикие, говоришь? — спросил он. — Нет, урядник, с одной стороны ханский отряд шел. То ли хивинский, то ли кокандский. Видишь отрубленные хвосты?

— А, которые они для отчета с собой увозят? Точно, твое благородие, ханские джигиты.

— Выруби-ка мне кусок хребта с отрубленной репицей. Тоже для отчета: я его генералу Кауфману покажу. Пусть подумает, кто и куда тут мог двигаться.

Урядник ловко, двумя ударами вырубил хвостовой отросток конского хребта, раздобыл у казаков кусок драного полотна, завернул, протянул Скобелеву:

— Пованивает.

— Ничего, потерпим.

Ротмистр приторочил сверток к седлу, вскочил на коня.

— Поторопимся, служивые. Донесение у нас важное, не зря на солнце парились.

4

Чрезвычайно довольный удачной, с его точки зрения, рекогносцировкой, ротмистр Скобелев

спорым маршем вернулся в Ташкент. И сразу прошел в штаб, чтобы тут же доложить генералу Кауфману не только обстановку, но и свои соображения. Эти соображения опирались на сверток, издававший весьма неприятный запах, почему ретивый ротмистр и нес его несколько на отлете.

Однако генерала на месте не оказалось. Его адъютант, молодой долдон-кирасир, улыбнулся не без ехидства, которое всегда неприятно задевало Скобелева.

— Не ждали вас так рано, ротмистр. Уж больно вы шустро отделались. Его превосходительство будет к вечеру, но сможет принять вас только завтра.

— Передайте его превосходительству мой письменный рапорт и непременно вместе с этой посылкой.

Он тут же написал краткий, но весьма емкий отчет о результатах рекогносцировки, закончив его несколько таинственно: «Основной вывод заключается в прилагаемой к сему рапорту посылке. Ваш огромный опыт сам подскажет вам надлежащие выводы».

Это была довольно самонадеянная и достаточно хвастливая концовка, но Скобелев не смог удержаться. Уж очень ему не по душе была снисходительность, которую он ощущал в

генеральском отношении к собственной особе.

— Я в штаб, — сказал он, вручая кирасиру рапорт и вонючий сувенир. — Необходимо кое-что проверить, о чем и прошу уведомить его превосходительство.

— Непременно-с, — расшаркался адъютант. — Мы понимаем: столичное образование налагает известные обязательства. Например, получать советы штаба ранее заключения командующего.

— Вот уж вас это совершенно не касается, — отпарировал Скобелев и тут же вышел.

Ротмистр был приписан к оперативному отделу штаба, так сказать, по официальному штабному образованию, поскольку грамотных штабистов на окраинах империи всегда недоставало. Однако крупномасштабных действий войска не вели, локальные сражения, а уж тем паче мелкие стычки в штабных разработках не очень-то нуждались, и Скобелев постоянно ощущал себя воистину приписанным к чему-то абсолютно ненужному в этих условиях. Однако Михаил Дмитриевич был на редкость любознателен, времени зря не терял и завел прочные приятельские отношения с топографами, желая узнать о театре военных действий как можно больше. Любознательность всяко поощрялась, Скобелеву с удовольствием показывали карты и схемы,

знакомили с расположением колодцев и объясняли, какова разница между такырами и, скажем, шорами²¹ и какие из них представляют опасность в туркестанские зимы, а какие — в туркестанскую жару. Это было и поучительно, и интересно, однако в тот день Михаил Дмитриевич спешил не только затем, чтобы получить подсказку, куда именно мог двигаться так и не обнаруженный им отряд, но и проверить слова есаула Серова: он вдруг подумал, а не является ли есауловский рассказ типичной казачьей байкой.

Однако специалистов-этнографов в оперативном отделе не водилось, кто-то подтверждал слова Серова, а кто-то над ними посмеивался, и Скобелев вскоре ушел ни с чем, так как наступил конец всякого присутствия. Он пошел было разыскивать Верещагина, но Василий Васильевич тоже пропадал неизвестно где (Скобелев решил, что он отправился с генералом Кауфманом), время было уже позднее, голод давал о себе знать после целого дня скачек по жаре, и Скобелев, поразмыслив, пошел в ресторан.

---

²¹ **Шоры (или соры)** — замкнутые впадины в пустынях Средней Азии, покрытые коркой солей или пухлым слоем солевой пыли и полностью или частично превращающимися в солончаки.

В полутемном зале слышались крики, смех и звон бокалов. Все плавало в табачном дыму, свободных мест видно не было, но Михаила Дмитриевича здесь знали отлично, почему и поставили для него отдельный столик за легкой занавеской. Он заказал обильный ужин, бутылку местной араки²² и с аппетитом накинулся на еду.

Шум был таким, что первое время он вообще не различал отдельных голосов. Голоса стали доноситься до него, когда он утолил первый голод, и доносились они из-за занавески.

— ...а в мешковине — конская кость. Вонючка страшная, господа, до спазмов в горле! Ну, я ее, естественно, приказал солдатику закопать подальше от генеральской резиденции...

— Для холодца, что ли, он ее с собой приволок?

— Вполне возможно, только протух этот припас до, так сказать, вопиющего состояния. И состояние это орало, если можно так выразиться, на весь особняк.

— Говорят, в столице входит в моду китайская кухня. Кто-то в Петербург даже тухлые яйца привез.

---

²² **Арака** — род водки, изготавливаемой из риса или (в Южной Азии) из сока пальм, кокосовой или финиковой.

Болтали подвыпившие офицеры, и голос одного из них — того, который вел основную партию, — показался Скобелеву знакомым. Он осторожно отодвинул край занавески: за соседним столиком спиной к нему сидел адъютант Кауфмана в цивильном костюме, туго натянувшимся на богатырских плечах.

— А затем, нанюхавшись доставленного из командировки аромату, дерзнул я, господа, лично ознакомиться с рапортом Скобелева. И, представьте, обнаружил тоже, так сказать, некоторое амбре, которым прямо-таки несло от него.

— Что-что ты обнаружил, Лешка?

— Неуемную штабную и весьма дурно пахнущую хвастливость. Выезжает академический офицерик в первую рекогносцировку и в первой же рекогносцировке обнаруживает скрытые переброски хивинской кавалерии. Ну, никому до сей поры такая удача не улыбалась, а штаб-ротмистру Скобелеву — вы только представьте себе — с первой попытки!

— С чего ты взял? Может, в той посылке и заключалось что-то дельное.

— Ничего в ней не заключалось, кроме куска тухлятины. Я тем же вечером передал генералу скобелевский рапорт, а он распорядился срочно доставить к нему уральского урядника, что был с

ротмистром на рекогносцировке. И урядник при мне доложил, что никаких туземцев они и в глаза не видели, а обнаружили лишь место схватки кого-то с кем-то да семь дохлых лошадей.

— Выходит, нафантазировал столичный хлыщ?

— Наврал, а не нафантазировал!..

Скобелев резко поднялся, отдернул занавеску и шагнул к соседнему офицерскому столику. Сидевшие за ним офицеры растерянно примолкли, и ротмистр отчеканил, перекрывая ресторанный шум:

— Извольте немедленно и публично принести мне свои глубочайшие извинения, господин адъютант.

Кирасир медленно поднялся. Обвел глазами своих знакомцев, неприятно ухмыльнулся:

— В чем же, господин... Назовем вас фантазером из уважения к погонам?

— В том, что вы — негодяй, подлец и болтун. Впрочем, извинений ваших уже не требуется. Жду секундантов не позднее вторника.

Ресторан примолк. Скобелев секунду промедлил и вышел чуть ли не строевым шагом.

5

Смертельно оскорбленный ротмистр отложил

появление секундантов до вторника, исходя из двух соображений. Во-первых, он хотел еще до дуэли объяснить Кауфману, какую улику распорядился уничтожить его разлюбезный адъютант, а во-вторых, ожидал возвращения Верещагина, которого намеревался пригласить в качестве собственного секунданта. Однако Константин Петрович его не принял (Скобелев подозревал в этом небрежении козни кирасира-адъютанта), Верещагина нигде разыскать так и не удалось, и пришлось обратиться со столь щекотливой просьбой к князю Насекину, с увлечением продолжавшему устраивать приют для страждущих с больничкой при нем.

— Не обижусь, коли вы откажетесь, Серж, — сказал Скобелев очень серьезно. — В воздух стрелять я не намерен, а посему дело замять не удастся. Меня, по всей вероятности, разжалуют, а вас просто-напросто выдворят из пределов Туркестанского генерал-губернаторства.

— Вы намерены убить его, Мишель?

— Да нет, — досадливо поморщился ротмистр. — Жалко дурака, он еще детишек наплодить сможет. Так, подстрелю слегка, чтобы из армии выперли.

— Тогда полностью располагайте мною. Только растолкуйте, что я должен делать.

— Полагаю, что сегодня адъютант его

превосходительства придет секундантов: он — редкостный болван, но честью все же дорожит. Если не своей, то по крайней мере отцовской. Вы должны отстоять два условия, князь, и пожалуйста, будьте в этом упрямы, как мул.

— Я вообще упрям. Каковы же условия?

— Основное: дуэль — по-сардински, благо, завтра начинается новолуние. Стреляться из револьверов с полными барабанами до первой крови.

— Ну, а если во тьме все пули уйдут в темные небеса?

— Тогда — либо его публичное извинение, либо — вторично по полному барабану.

Секунданты кирасира приняли все условия. Скобелев, зная о связях адъютанта, опасался, что дуэлянтов изловит внеочередной дозор, но кирасир, как выяснилось, обладал кое-какими приличными свойствами, и они прибыли на место «сардинского» поединка без осложнений.

— Спросите, князь, моего противника, не согласен ли он до начала перестрелки извиниться передо мною. Темнота скроет краску стыда на его холеном лице.

— Никаких извинений! — крикнул адъютант в ответ на предложение Насекина. — Я принял ваши условия, ротмистр, этого, полагаю, вполне достаточно.

— Пожалеете, — проворчал Скобелев, получив от секунданта заряженный револьвер.

— Прошу, князь, проводить господ дуэлянтов на оговоренные места, — недовольно вздохнув, сказал секундонт кирасира. — Я дам команду, когда вы вернетесь.

— Следуйте за мною, господа.

Светя под ноги фонарем, Насекин отвел молчаливых противников на оговоренные места, еще раз напомнил, что открывать огонь следует по команде, а палить по желанию, и вернулся на исходное место, где стояли лошади, пролетка и доктор с секундантом кирасира.

— Дуэлянты на позициях, капитан, — доложил он. — Извольте подать команду.

— Ох, не люблю я этого развлечения, — вздохнул доктор.

— Пустое дело, — усмехнулся капитан. — В такой темноте собственной руки не видно. Выпустят по десятку патронов и замирятся. Готовы, господа? На счет «три» можете открывать огонь. Изготовились! Раз! Два! Три!..

Два выстрела раздались почти одновременно, и сразу же раздался болезненный выкрик:

— Я ранен!..

На какое-то время все растерялись, ожидая то ли выстрелов, то ли криков о помощи. Из темноты слышалось:

— Черт... Ногу прострелил...

Врач с саквояжем и князь Насекин с факелом тут же убежали в темноту. Оттуда же, но чуть со стороны появился и Скобелев. Протянул капитану револьвер:

— Больше претензий не имею.

— Как же вы попали в него в этакой-то темнотище, ротмистр? — удивленно спросил секундант раненого кирасира.

— Случайно.

У адъютанта генерал-губернатора Кауфмана оказалось простреленным бедро. Доктор перевязал его на месте, вдвоем с князем они отнесли его в карету. Капитан поехал вместе с раненым, Скобелев с Насекиным возвращались одни.

— Вы и впрямь случайно попали в него, Мишель? Или вам знаком какой-то секрет этой дурацкой дуэли?

— Кто его знает, — усмехнулся Скобелев. — Признаться, я ждал его первого выстрела, понимая, что он не выдержит и пальнет поскорее. Как правило, у виноватых быстро сдают нервы. Ну, до этого, естественно, рост его прикинул, манеру стрельбы. Ждал выстрела и нажал на курок, как только увидел вспышку.

На следующий день генерал Кауфман нашел время вызвать ротмистра Скобелева прямо с утра. Михаила Дмитриевича проводил в кабинет новый

адъютант, у которого он по дороге поинтересовался здоровьем кирасира.

— Через полмесяца бегать будет, — улыбнулся адъютант. — Вы ему сознательно кость не перебили?

Константин Петрович был хмур и озабочен. Молча выслушал представление Скобелева, садиться не предложил, но и сам не сидел, а медленно прохаживался по кабинету.

— Мне надоели ваши выходы, ротмистр, — он вздохнул. — Офицер не имеет права на фантазии.

— Тогда он так и уйдет в отставку офицером, — с вызовом сказал Скобелев. — А я надеюсь не только продолжить, но и закрепить семейную традицию, став третьим генералом в нашем роду.

— Но не под моим командованием, — резко подчеркнул генерал. — Приказ о вашем переводе в Кавказскую армию мною уже подписан. Сегодня сдадите дела, завтра выедете к новому месту службы.

— И это все, ваше превосходительство? — разочарованно спросил Скобелев.

— Нет, не все, извольте выслушать. В рапорте, который передал мне искалеченный вами адъютант, было указано о перемещении регулярного хивинского отряда. Я расспросил

сопровождавшего вас уральского урядника: он в глаза не видел никаких конных отрядов туземцев. Откуда вы взяли этих хивинцев? И как у вас хватило наглости солгать в официальном рапорте?

— Я не лгал, ваше превосходительство! — Скобелев покраснел и разозлился. — Доказательства перемещений регулярного отряда содержались в куске хвостовой части хребта убитого коня. Его хвост был обрублен вместе с репицей, но ваш тупица-адъютант приказал солдату где-то зарыть эту важнейшую улику.

— И за это вы его подстрелили, — уточнил Константин Петрович. — Теперь кое-что для меня становится ясным. Кстати, как вы умудрились столь аккуратно попасть в него в кромешной тьме?

— По чистой случайности.

— Чересчур уж она чистая, — усмехнулся Кауфман.

Он помолчал, походил по кабинету, заложив руки за спину. Потом остановился перед ротмистром. Сказал, глядя в глаза:

— Я послал два дозора по обе стороны от тех колодцев. Один из них вернулся вчера и доложил, что действительно обнаружил хивинский отряд численностью до полутысячи сабель. Отряд боя не принял и скрылся за барханами. — Он помолчал. — Вы наблюдательны, Скобелев, и умеете делать правильные выводы из своих наблюдений.

Полагаю, что вы продолжите семейную традицию, но не в моей армии. Распишитесь у адъютанта в получении вами моего письменного приказа и незамедлительно исполните его. Ступайте, ротмистр.

Скобелев четко повернулся кругом, пошел к дверям.

— За отлично проведенную рекогносцировку я представил вас к чину подполковника, — неожиданно добавил Константин Петрович. — Прошу передать мой поклон вашему батюшке.

— Благодарю, ваше превосходительство! — весело гаркнул Скобелев.

— Счастливой службы, полковник ²³, — улыбнулся генерал-губернатор.

Глава третья

1

Для сдачи дел Скобелеву требовалось от силы полтора-два часа: он был всего лишь приписан к оперативному отделу для выполнения отдельных

---

²³ Такое «прибавление» в звании в устной речи было традиционным в русской армии.

поручений. И тем не менее Михаил Дмитриевич до конца работы просидел в штабе, не только просматривая все донесения дозоров, касавшиеся передвижений хивинских и кокандских регулярных отрядов, но и старательно выписывая все донесения в приобретенную после разговора с есаулом Серовым книжечку с аккуратным указанием, когда именно происходили эти встречи и куда именно двигались обнаруженные дозорами отряды. Только после этого он направился к князю Насекину с приглашением на прощальный ужин.

Князь был очень расстроен внезапным отъездом друга, хотя изо всех сил скрывал это. Он трудно сходил с людьми, друзей его можно было перечесть по пальцам, был весьма застенчив от рождения и всегда неуютно чувствовал себя в обществе, в котором отсутствовала привычная для него атмосфера.

Он вдруг становился неприятно язвительным и демонстративно отстраненным, хотя по натуре был добрым и отзывчивым человеком. И даже любимая работа, которой он отдавался всею душой, казалась ему тогда ненужной, тягостной и нудной.

— Когда и где мы еще встретимся, Мишель? — с улыбкой спросил он, но горечь этой улыбки скрыть ему не удалось. — И увидимся ли вообще?

— Непременно увидимся, Серж. Непременно

скоро и непременно в Туркестане. У меня — предчувствие, дружище!

Никакого особого предчувствия у Скобелева не было, зато была некая и пока еще весьма смутная идея, осуществить которую он намеревался на новом месте службы — на Кавказе. А толчком для осуществления этой идеи послужило твердое намерение вернуться в Туркестан увенчанным победными лаврами. «Возвращаться нужно с парадного входа», — говорил когда-то отец, уча его уму-разуму. Такая формулировка полностью отвечала его самоуверенности и самолюбию, оставался пустяк — претворить теорию в практику.

Собственно то, что скромно забрезжило в его голове, идеей пока еще называть было преждевременно. Так, некие теоретические предпосылки, для своего воплощения требующие не только материальной базы, но и вполне конкретного, обеспеченного в каждом шаге и рассчитанного по минутам особого плана военных действий, учитывающего отсутствие единого фронта на Туркестанском театре военных действий в европейском понимании этого слова. Только такой план мог сделать его предложения реальными, с которыми можно было бы идти к самому Наместнику Его Высочеству Михаилу

Николаевичу²⁴, младшему брату Александра II, не рискуя при этом быть обвиненным в лихом гусарском авантюризме. Однако до этого следовало разработать такой план в подробностях хотя бы для самого себя.

И здесь ему повезло, хотя поначалу он воспринял внезапный подарок судьбы с обидой и досадой, увидев в нем некое небрежение к его особе. Дело заключалось в том, что несогласованный, а потому и внезапный перевод подполковника Скобелева на Кавказ, где давным-давно были замещены все соответствующие его чину, опыту и знаниям должности, поставил местное начальство в затруднение. Должность, которую требовалось предоставить прибывшему из Туркестана подполковнику (да к тому же получившему высокий штаб-офицерский чин досрочно, а, следовательно, за какие-то неведомые заслуги), обязана была оказаться достаточно высокой, но подобных вакансий не имелось, и штабное

---

²⁴ Наместничество в 1844–1883 годах представляло собой систему управления национальными окраинами. Великий князь **Михаил Николаевич** (1832–1909), 4-й сын Николая I, был Наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией в 1877–1878 годах.

начальство, изрядно поломав головы, назначило подполковника Михаила Дмитриевича Скобелева старшим инспектором по тактической подготовке офицерского состава с обязанностью читать лекции по тактике кавалерийских частей и соединений, исходя из опыта военных действий в Туркестане.

На Кавказе Скобелеву было куда веселее и проще служить, нежели в Туркестане. Здесь хорошо знали его отца, добывшего себе славу бесстрашного офицера не только в русской армии. Кроме того, на Кавказе проходили службу многочисленные приятели Михаила Дмитриевича как по Академии Генерального штаба, так и по многим полкам, в которых ему самому когда-то приходилось тянуть гарнизонную лямку. Но главное заключалось все же не в этом. Его новая должность давала возможность детально ознакомиться с Кавказской войной²⁵, которая тянулась со времен Петра Великого,

---

²⁵ Собственно Кавказская война шла с 1817 по 1864 год, но первая военная экспедиция русских войск к устью Терека была предпринята еще в период правления Петра I, и с тех пор Россия постоянно претендовала на эти территории. Образовалась Кавказская линия, просуществовавшая до конца 50-х годов XIX века, — линия укрепленных кордонов, которая охраняла южные губернии от набегов горцев, помогала держать в повиновении покоренные местности и служила базой для наступательных действий русской армии.

оказавшись самой длинной войной в русской истории. Она, как и война в Туркестане, была войной завоевательной, войной за всемерное расширение и без того необъятной империи, но на этом их сходство и кончалось. Начинались различия, сравнение которых давало Михаилу Дмитриевичу пищу для серьезных размышлений.

На Кавказе шло многолетнее, но постоянное вытеснение коренных жителей из плодородных долин в горы. Долины тут же заселялись казаками, а горцы теряли свою основную продовольственную базу, яростно сопротивляясь русским и при этом медленно отступая в горы. Среднеазиатских степняков не было смысла теснить: в степях места хватало, но не хватало воды, и прокормиться там русским переселенцам было либо очень трудно, либо попросту невозможно. Кавказский опыт вытеснения там не годился, равно как и русский обычай сжигать дотла населенные пункты, усвоенный в результате тяжелейшей войны. В Туркестане тоже жгли кишлаки, но для восстановления их на новом месте туземцам не нужно было затрачивать много усилий: кочевой образ жизни подавляющего большинства населения породил легкий и простой род жилища, для восстановления которого не требовалось особых усилий. Напротив, на Кавказе основной массой населения были народы оседлые, привыкшие

строить свои дома на века, в расчете на внуков и правнуков. К этому добавлялась память о местах погребения предков, каждый аул имел кладбища, которые оставались на прежнем месте, зарастали бурьяном, разрушались, а то и распахивались русскими переселенцами. Кочевой образ жизни среднеазиатского населения давным-давно приучил его хранить память о предках в песнях и сказаниях, а не в надгробных памятниках. Отсюда следовал очень важный для Скобелева вывод: прямой перенос опыта Кавказской войны на Туркестанский театр военных действий был не только бесполезен, но и опасен. Туркестанских кочевников следовало громить, а не вытеснять, в противном случае война с ними грозила стать бессмысленной погоней по бесплодным степям и пустыням за неуловимыми всадниками, умеющими ориентироваться без всяких видимых ориентиров и обладающих очень быстрыми и нетребовательными к корму лошадьми.

Вот к каким выводам пришел Михаил Дмитриевич, размышляя над прошлым, расспрашивая старых кавказских рубак, читая лекции по тактике господам офицерам, ползая вместе с ними по холмам и горам на практических занятиях, рискованно и азартно играя по вечерам в карты и до рези в глазах изучая по ночам карты топографические. А еще он регулярно, каждый месяц писал Наместнику письма с нижайшей

просьбой уделить ему полчаса для весьма важного разговора. Но из Канцелярии Его Высочества всякий раз отвечали, что в данный момент Наместник никак не может его принять.

Так и тянулись дни за днями, и неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба подполковника Скобелева, если бы во Владикавказ неожиданно не приехал адъютант Наместника генерал Мурашов.

2

Генерал Петр Николаевич Мурашов как был сослан за дуэль на Кавказ девятнадцатилетним корнетом, так и остался здесь и до сей поры. Здесь воевал, здесь дослужился до генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта, здесь женился, обзавелся детьми и внуками и тихо, покойно доживал свой довольно бурный век. На Кавказе все его знали и, что самое удивительное, все к нему относились по-доброму. Он завоевал свои эполеты и благорасположение Его Высочества не на дворцовом паркете, а в горячих схватках с лихими горцами, был всегда ровен, улыбчив, спокоен и выдержан, помогал старым боевым товарищам, чем мог, и был дорогим гостем в любом доме. Кроме того, он обладал редкой для военного человека тягой к знаниям, много читал, а под старость

увлекся разного рода мудрецами, доморощенными пророками и прорицателями, коллекционируя их изречения и высказывания и даже занося их в особую книжечку, которую намеревался когда-нибудь издать в качестве образца оригинальных человеческих мыслей. При этом был искренне веротерпим, с равным удовольствием встречаясь с православными отшельниками, еврейскими пророками, мусульманскими прорицателями и сектантскими мудрецами.

Командировку во Владикавказ он испросил себе сам, поскольку именно ему приходилось по роду службы отвечать на настойчивые просьбы подполковника Скобелева о свидании с Наместником. Он дружил с отцом Михаила Дмитриевича, которого знал по совместной военной деятельности, бережно хранил личное к нему уважение, но и слыхом не слыхивал о его сыне. Однако, оценив настойчивость Скобелева-младшего, решил в конце концов с ним познакомиться, чтобы помочь ему в меру собственных возможностей. Кроме того, существовала еще одна причина его приезда, но об этом придется рассказать отдельно.

Деятельность же Скобелева, его живейший интерес к Кавказской войне и краткий, содержательный рапорт Петру Николаевичу весьма понравились, равно как и сам подполковник — сын

чтимого боевого друга, с которым генерал поддерживал постоянную переписку. Все это вместе взятое послужило причиной приглашения подполковника на ужин в отведенную адъютанту самого Наместника резиденцию.

А Скобелев был откровенно недоволен этой встречей и весьма мрачно настроен. Он полагал, что причиной внезапной инспекции его деятельности послужили письма, переполнившие чашу терпения Его Высочества, почему генерал-адъютант и решил выяснить этот вопрос незамедлительно.

— Полагаю, ваше превосходительство, что я изрядно надоел своими прошениями о личном свидании...

— Забудем об официальнойности, друг мой, — благодушно сказал Мурашов. — Твой батюшка Дмитрий Иванович — мой старый полковой приятель, даже друг, осмелюсь сказать. Не скрою, мне любопытно узнать причину твоей настойчивости, но это — не единственный повод моего приезда.

— Благодарю вас, Петр Николаевич. Признаться, мне надоели отписки с одним и тем же основанием: «Его Высочество в ближайшее время не может вас принять по причине болезни». Спрошу напрямик: это действительно болезнь или обычное дворцовое нежелание уделять время какому-то там штаб-офицеру?

Петр Николаевич вздохнул:

— Понимаю твою обиду, но болезнь Его Высочества, увы, не дворцовая, а самая что ни на есть натуральная. Он подхватил мингрельскую лихорадку, пароксизмы которой мучительны, неожиданны и отбирают массу сил. Изложи мне, что тебя тревожит, а уж я сам решу, посвящать ли в твои беспокойства Его Высочество, или мы сами найдем достойный выход.

— Пекусь не о себе, — досадливо поморщился Скобелев. — Пекусь исключительно об общем нашем деле — о войне в Туркестане. Я имел возможность поглядеть на нее там и сравнить ее с войною Кавказскою здесь. Вывод, сделанный мною, оказался неутешительным, почему я и позволил себе тревожить Его Высочество письмами. То, к чему я пришел, может решить только Его Высочество, если сочтет мои предложения достойными того, чтобы решать их вообще.

— А ну, расскажи, расскажи, — живо заинтересовался Петр Николаевич.

Скобелев готовился к серьезному разговору, едва получив приглашение генерала отужинать с глазу на глаз. Он тотчас же притащил толстый портфель, из которого начал извлекать карты, схемы и заранее составленные таблицы.

— Туркестанский театр военных действий

ничего общего не имеет с опытом всей нашей многолетней Кавказской войны. Мы имеем дело со степными народами, легкими на подъем, быстро уходящими от преследования, имеющими в своем распоряжении множество конных отрядов с отличными всадниками на быстрых и непривередливых местных лошадях. Нападают они всегда неожиданно и всегда стремительно, столь же стремительно выходя из боя и скрываясь безо всяких следов. Они избрали верную тактику, Петр Николаевич, которая в конце концов втянет нас в безнадежную партизанскую войну на абсолютно незнакомой и непривычной для нас территории, где нет ни воды, ни корма для лошадей...

Скобелев подробно, со схемами, картами и таблицами доложил генералу реальную картину, до поры до времени прикрытую внешними военными успехами, которые газеты расписали, как окончательное сокрушение всех Туркестанских сил и возможностей. Мурашов слушал очень внимательно, задавал уточняющие вопросы, и благодущная улыбка хлебосольного хозяина постепенно исчезала с его лица.

— Анализ твой безупречен, но пугающ, — вздохнул он. — Болезнь ты подметил точно, но есть ли у тебя в запасе соответствующее лекарство?

— Есть, Петр Николаевич, — очень серьезно сказал Скобелев. — Надо завоевывать ханства, а не

гоняться за отрядами. Но ханства неплохо защищены как пустынями, так и крепостными стенами, за которыми до времени будут укрываться отборные джигиты, всегда готовые к стремительным вылазкам. Тяжелую артиллерию к этим крепостям не подтащишь, следовательно, их надо атаковать с той стороны, с которой они ну никак не ожидают удара. Хива держит все силы на севере и северо-востоке, ожидая оттуда наступления наших войск. И генерал Кауфман не должен обмануть их ожиданий. Мало того, ему следует активно демонстрировать свою готовность ударить именно с той стороны, где они его и ждут, но...

Подполковник замолчал, весьма многозначительно и строго глядя на генерала Мурашова.

— Ну?.. — нетерпеливо спросил Петр Николаевич.

— Но кто-то должен ударить по Хиве с запада, перейдя непроходимые даже с точки зрения хивинцев солончаковые степи и полупустыни. Там нет ханских обученных войск.

— Откуда, откуда ударить?

— Необходимо двинуть достаточно сильный отряд из Киндерлиндского залива Каспия в направлении на Хиву. Там кочуют мирные киргизы, и я уверен, что проводника найти будет не сложным

делом. Приблизительный состав такого отряда я расписал. В основном уральские казаки, одна-две легких батареи и пара ракетных станков для шума и грохота. Такую артиллерию можно протащить через солончаки, даже если лошади подохнут от голода и жажды.

— Да... — озабоченно вздохнул Мурашов. — С твоего дозволения, я заберу у тебя этот портфельчик. И доложу соответственно.

— Постарайтесь убедить Его Высочество, — почти с мольбою сказал Скобелев.

— Употреблю все красноречие, но обещать ничего не берусь. Через две недели все станет ясным.

— Почему через две недели?

— Потому что через пятнадцать дней ты получишь либо письменное согласие, либо письменный отказ, подполковник. Повторяю, никаких гарантий дать тебе не могу, хотя буду сражаться за твой план, аки лев.

3

Сын старого боевого друга настолько понравился Петру Николаевичу, что он вопреки обыкновению занес основной вывод этой встречи в заветную книжечку, куда до сей поры заносил только изречения, пророчества и парадоксы

доморощенных мудрецов. И запись эта звучала так:
«Сего числа имел удовольствие
познакомиться с сыном Димитрия Ивановича
Скобелева подполковником Михаилом
Скобелевым.

Удивил: мыслит государственно. Быть ему
генералом...»

Вот почему через сутки после памятного
ужина он опять разыскал подполковника:

— Тут неподалеку живет в пещерном затворе
весьма, говорят, умный и проницательный старик.
Да и сама биография его необыкновенна.
Представляешь, Михаил, солдат из староверов
попадает к горцам в плен, трижды пытается бежать,
и трижды его ловят. А потом вдруг по доброй воле
он переходит в ислам, два раза совершает пеший
хадж в Мекку, достаивается зеленой чалмы²⁶,
женится, дети у него. И снова — вдруг! —
возвращается к нам, пытается проповедовать
преимущества магометанства, но церковь грозит
ему нешуточными карами, и он от греха подальше
роет себе пещерку и тихо живет там, исцеляя
страждущих телесно и духовно. А я, знаешь ли,

---

²⁶ Цвет чалмы говорит о количестве хаджей в Мекку:
обладатель белой чалмы ходил в священный город один раз,
зеленой — дважды.

подобные людские экземпляры люблю и даже, признаться, коллекционирую их, что ли. И хочу этого странного двоеверца-отшельника послушать. Пойдешь со мной?

— Пойду, — сразу же согласился любознательный Михаил Дмитриевич. — Он что же, будущее предсказывает?

— Нет, грехом это полагает, вторжением в дела, одному Господу Богу подведомственные. Но ответы на различные вопросы, говорили мне, дает прелюбопытнейшие и пренеожиданнейшие. Так что готовь вопросы, Михаил. И желательно не из раздела, любит ли она меня.

— Я знаю все ответы из этого раздела, — усмехнулся Скобелев. — Когда прикажете быть готовым, Петр Николаевич?

— Завтра с утрачка. Лошадок обещали и проводника, хорошо отшельника знающего. Он абы с кем не говорит, только по серьезным рекомендациям...

Выехали спозаранку в сопровождении пожилого отставного унтера, коновода и пятерки казаков. Так, на всякий случай, поскольку неугомонные чеченские абреки, случалось, проникали и в окрестности Владикавказа. Отставной унтер показывал дорогу, пока по ней еще можно было проехать на лошадях, и рассказывал о мудреце, у которого бывал. А когда

стало невозможным ехать верхом далее, попросил спешиться, оставил при лошадях коновода да казака с ружьем и повел генерала и подполковника по трудно проходимой тропинке в сопровождении четырех спешенных казаков. Осмотрительным был унтер, да и гости больно уж важные. Таких сопровождать ему приходилось впервые, и он очень тревожился.

— У него — свои условия, — пояснял он по дороге. — Вопросы можно и по бумажке читать, это он позволяет. Но ответы записывать никак невозможно. Коли заметит, что записываете, тут же всякий разговор прекратит.

— Почему же так? — отдуваясь (тропа была крутой), поинтересовался Мурашов.

— Говорит, будто душа сама запоминает, что для нее самое главное. Вот что она запомнит, то и есть сама суть ее.

Вопросы Скобелев составлял добрых полночи, стараясь, чтобы и выглядели они неожиданно и чтобы ответы на них были достаточно затруднительны, поскольку ему сказали, что странный отшельник-двоеверец всегда отвечает с предельной краткостью.

Прибыли к пещерке, вырытой самим отшельником в крутом обрыве рядом с бьющим из-под камня ключом с холодной чистой водой. Михаил Дмитриевич уступил первенство генералу,

не только учитывая чин и возраст, но и потому, что решил еще раз проверить выписанные на бумажку вопросы. Петр Николаевич решительно нырнул в узкий лаз пещерки, а Скобелев, подставив раннему солнышку спину, уж в который раз внимательно перечитал собственный вопросник, кое-что уточнил в нем, кое-что поправил и теперь просто терпеливо ждал, когда вернется генерал Мурашов.

— Колоритнейшая личность, доложу вам, — сказал Петр Николаевич, вылезая из пещеры на свет Божий. — Весьма и весьма. Твоя очередь, Михаил.

Скобелев, пригнувшись, прошел узким и низким ходом и попал в некое пространство с нависающим потолком, обшитым досками и слабо освещенным смоляным факелом. Вероятно, где-то был невидимый продух, потому что в аккуратной пещерке не чувствовалось ни дыма, ни чада. Поздоровался, обождал, пока глаза привыкнут к полумраку, и увидел плотного широкоплечего старика с зеленой чалмой на голове, сидевшего на потертом коврике, скрестив по-турецки ноги и перебирая в руках коричневые старые четки.

— Спрашивай, что хотел, — глуховатым голосом безо всяких интонаций сказал старик.

Скобелев развернул листок, откашлялся. Ему почему-то вдруг стало неуютно, и он спросил с совершенно несвойственной ему робостью:

— Можно начинать?

— Не насилуй натуру свою.

— Ага, — согласился Михаил Дмитриевич, еще раз прокашлялся и зачитал первый вопрос:

— Кого можно назвать героем?

— Того, кого не потрясает взгляд красавицы.

— Кого можно сравнить со светом луны?

— Скромного человека.

Старик отвечал мгновенно, ни на секунду не задумываясь. Ответы словно сами собой срывались с его языка, и Скобелеву это очень понравилось.

— Что такое ад?

— Зависимость от других.

— Кто есть истинный друг?

— Тот, кто удерживает от зла.

— Что служит украшением речи?

— Истина.

— Что непобедимо в этом мире?

— Справедливость и терпение.

— С чем сравним блеск молнии?

— С красотой женщины.

— Каким качеством можно удивляться в человеке, обладающем полным благосостоянием?

— Великодушием.

— Что дается человеку труднее всего?

— Знание без гордости, геройство с кротостью, богатство со щедростью.

— Что способно грызть сердце до самой смерти?

— Злодеяние, которое приходится таить.

— Что значит «мертвая душа»?

— Глупая душа.

— Тогда кто же есть глупец?

— Тот, кто не умеет вовремя сказать ласкового слова.

— Что служит источником несчастья?

— Строптивное сердце.

— К чему стремятся все люди?

— Хорошо устроиться в жизни.

— На что не следует никогда не обращать внимания?

— На чужую жену и чужое добро.

— Что нужно любить в себе?

— Сострадание, милосердие и снисходительность.

— Что такое бедность?

— Недовольство.

— Что слепее слепца?

— Страсть.

— Что такое правильная жизнь?

— Беспорочность.

— Что такое сон?

— Глупая трата времени.

— А что такое тогда глупость?

— Когда не стремятся сделаться умнее.

— Что опьяняет сильнее вина?

— Нежность.

— Что есть вечное беспокойство?

— Молодость, богатство, праздная жизнь.

— Тогда что же есть сама жизнь?

— Миг.

— Миг?..

Старец промолчал, и Скобелев вышел от него весьма озадаченным. Ничего не ответил на вопрос Мурашова, как ему понравился мудрец, и озабоченно помалкивал всю обратную дорогу.

На другой день адъютант Его Высочества Наместника генерал Мурашов уезжал в Тифлис. Скобелев провожал его целый перегон, до следующей почтовой станции, где они тепло распрощались, выпив по чарке на дорожку.

— Запомнил ли что из вчерашних ответов? — спросил Петр Николаевич.

— Только одно: что есть жизнь?

— И что же ответил старик?

— Миг.

Михаил Дмитриевич сказал это слово, как-то особенно выделив, точно подчеркнул его. Генерал задумчиво покачал седой головой, улыбнулся:

— Это ведь не ты запомнил, Миша, это душа твоя запомнила. Стало быть, миг — девиз всей твоей жизни. Лови его, Михаил, всегда вовремя лови!..

Глава четвертая

У Михаила Дмитриевича было непоколебимое убеждение, что Киндерлиндский поход состоится. Что Петру Николаевичу Мурашову удастся убедить не очень решительного Наместника собрать небольшой по численности, но достаточно мощный отряд, который совершенно неожиданно и ударит в спину хивинцам. И он не просто с нетерпением ждал добрых известий от старого друга отца, но и деятельно готовился к тяжелому походу через солончаковые степи и пустыни.

Для этого у него был не только кое-какой опыт, но и заветная тетрабочка, купленная после разговора с есаулом Серовым. В частности, там находились чертежи больших, сконструированных специально для русской армии юрт, вмещавших по двадцать человек. Войлочные кибитки лучше предохраняли от жары, нежели принятые в армии брезентовые палатки, воздух в которых раскалялся до шестидесяти градусов. А войлок удерживал жару снаружи, кибитки хорошо проветривались, а потому и сон в них был куда спокойнее и здоровее, нежели в армейских палатках. Их предложил генерал Кауфман, и Скобелев высоко оценил это новшество, введенное, кстати, самовольно, вопреки

всем инструкциям и наставлениям. Кибитки эти перевозились на верблюдах, на установку их при некоторой сноровке уходило меньше времени, чем на установку палатки, и солдатам нравилось спать в них, несмотря на уйму блох. По расчетам, которые сделал Михаил Дмитриевич, исходя из возможной численности отряда, на перевозку этих кибиток, а также воды, продовольствия и боеприпасов требовалось не менее тысячи трехсот верблюдов, но он был твердо убежден, что игра стоит свеч.

В памятной книжечке его хранилась и еще одна очень важная запись. Дело в том, что согласно утвержденному суточному рациону солдатам выдавали два фунта черного хлеба, полфунта мяса, приварок (каша или капуста) без ограничения, утром и вечером полагался сладкий чай, а кроме этого — сыр, овощи, уксус (для профилактики желудочных заболеваний) и два стакана водки в неделю. Учитывая невероятную жару летом и столь же невероятный холод — да еще с ветром! — зимой, генерал Кауфман своею властью добавил в солдатский рацион еще полфунта мяса в сутки, а утром и вечером к чаю приказал выдавать вяленую дыню или урюк. Это позволяло справляться с длинными переходами, и солдаты, втянувшись, легче переносили как жару, так и холод. Туркестанская война совсем была не похожа на войну Кавказскую, и Скобелев твердо решил

учитывать опыт Константина Петровича Кауфмана, для которого заболевший солдат являлся чуть ли не личным бесчестьем.

А сообщений все не было и не было. Михаил Дмитриевич начал уже нервно считать дни, когда из Тифлиса наконец-таки прибыл долгожданный пакет:

«Дорогой Михаил Дмитриевич! Поскольку ты, как вдруг выяснилось, числишься не за Кавказской армией, а за Генеральным штабом, Его Высочество разрешил тебе участвовать в экспедиции только в качестве волонтера. Командовать отрядом поручено полковнику Ломакину».

— Ну, и как прикажете это понимать? — раздраженно спросил сам себя Скобелев.

Но прошение о зачислении его в экспедиционный отряд полковника Ломакина все же написал. И отослал его курьерской почтой.

Вместо ответного послания к Скобелеву приехали генерал Мурашов и высокий, худой, по виду весьма желчный полковник Николай Павлович Ломакин.

— Его Высочество утвердил твое ходатайство, — сказал Петр Николаевич Скобелеву, как только выдалась минута. — Однако Ломакин пожелал лично с тобою познакомиться.

И тут Михаила Дмитриевича вдруг понесло,

что, впрочем, с ним случалось достаточно часто. Вместо того чтобы спокойно отвечать на вопросы уже назначенного командиром отряда Николая Павловича, он раскрыл свою заветную книжечку и начал излагать собственные соображения, полагая, что полковник Ломакин, как разумный человек, тотчас же за них и ухватится. Он выложил все и о преимуществе кибиток для солдат, и о расчете необходимого количества верблюдов для их перевозки, и о резком увеличении солдатского рациона с учетом длительных маршей по туркестанской жаре. Полковник слушал молча и вроде бы даже очень внимательно, а генерал вздыхал, и в его вздохах явно слышалась укоризна.

— Вы, по всей видимости, неплохой штабной работник, — скучно сказал Ломакин, когда Скобелев закончил изложение своих предложений и выжидательно замолчал.

Голос его не выражал ровно ничего. Он был постным, как само льняное масло. А Михаила Дмитриевича всегда почему-то раздражали люди, лишённые простых человеческих эмоций, и он сразу же внутренне ошетинился:

— Вы абсолютно правы. Я закончил Академию Генерального штаба в первой тройке выпускников с правом выбора места службы, вследствие чего и оказался на Туркестанском театре военных действий.

— Однако по моим сведениям в военных действиях вы принимали участие ровно один раз, и ваше единственное боевое донесение содержало весьма и весьма опасные вольности.

— Эти опасные вольности, как вы изволили выразиться, полностью подтвердились, — вспыхнул Скобелев.

— У меня иные сведения, — скучно сказал Ломакин. — Однако вернемся к вашим предложениям, Михаил Дмитриевич. Я не знаю, как вам могла прийти в голову оригинальная идея переселить солдат в войлочные кибитки. В армии предусмотрены палатки для ночевки в походах, кибитки в каких бы то ни было уставах, инструкциях или иных положениях не значатся, а что в русской армии не значит, того и не существует вообще.

— В Туркестане — особая война, Николай Павлович, — сдерживая себя, заметил Скобелев. — Днем жара до сорока градусов, ночью вполне возможен морозец до минус трех-четыре по Цельсию. Кроме того, юрты — они же кибитки — ставятся за считанные минуты.

— Война всюду одинакова, полковник, — назидательно заметил Ломакин. — Что на Кавказе, что в Туркестане, что в Китае или, допустим, во Франции. Она заключается в точном исполнении приказов командования и неукоснительном

следовании уставам и наставлениям. Прошу извинить, что вынужден напоминать эти прописные истины офицеру, закончившему Академию Генерального штаба в первой тройке. Что же касается предыдущего, то палатки перевозятся вьючными лошадьми...

— Лошадям нужна вода каждый день, тогда как верблюд может обходиться без нее до двух недель.

— Возможно, я не специалист по верблюдам. В армии сии животные не значатся, следовательно, их как бы и нет. А то, чего нет, приходится покупать.

— Или поднаряживать. Цена поднаряженного верблюда — пятнадцать рублей зимой и двенадцать летом.

— Умножьте названную вами цифру на ту тысячу триста верблюдов, коих мы должны иметь при отряде по вашим же расчетам. Где мы возьмем такие деньги?

— Я готов купить верблюдов на собственные средства! — громче, чем следовало, сказал Скобелев.

— Армия — не монастырь, и существует не на пожертвования, а на казенный счет, — Ломакин продолжал говорить прежним тоном, не обратив внимания на внезапную вспышку Михаила Дмитриевича. — Ваше предложение оскорбительно

для русской армии, несмотря на вашу искреннюю пылкость, Михаил Дмитриевич. Кроме того...

— Кроме того, что мы попросту сдохнем в песках, Николай Павлович!

— Михаил Дмитриевич... — укоризненно покачал головой генерал Мурашов.

— Кроме того, вы предлагаете самовольно изменить солдатский рацион, — невозмутимо продолжал Ломакин. — Сие тоже есть нарушение распоряжений вышестоящих инстанций, а посему должно быть отброшено раз и навсегда. Солдат вполне обеспечен...

— С точки зрения зажавшихся в тылах интендантов!

— Господа, господа, — вмешался Петр Николаевич. — Ваша пикировка резко превысила допустимую температуру делового разговора. С вашего позволения, Михаил Дмитриевич, я передам ваши соображения Его Высочеству. Кстати, пора бы и пообедать.

На этом тогда и закончилась первая встреча подполковника Скобелева с полковником Ломакиным. Мурашов вовремя напомнил Михаилу Дмитриевичу о его хозяйских обязанностях, и обед прошел вполне благопристойно. Скобелев провозглашал тосты в полном соответствии со сложившимися на Кавказской войне обычаями, и генерал наконец-то вздохнул с некоторым

облегчением.

Однако радовался он преждевременно, поскольку трещинка в отношениях полковника-командира и подполковника-волонтера тогда всего лишь обозначилась. Однако все, что ни свершается, — к лучшему, как всегда считал Петр Николаевич, полагая, что подобный стиль знакомства предостережет Скобелева от опрометчивых шагов в совместном тяжелом предприятии.

2

Следует отметить, что генерал Мурашов, отважно проведя боевую молодость, как-то утихомирился на мирной бесхлопотной должности. Искренне влюбляясь в людей, для него привлекательных, он не очень разбирался в характерах, для него непривлекательных, а потому и неинтересных. Его куда больше манили люди мистически загадочные, нежели обыкновенные, хотя полковника Ломакина к последним относить было бы и неверно, и опрометчиво. Иными словами, Петр Николаевич был далеко не глуп, но, увы, простоват и бесхитростен, за что, собственно, его и любил Наместник Государя-Императора на Кавказе Его Высочество Михаил Николаевич.

Дело в том, что Николай Павлович Ломакин,

достаточно наломавшись, намахавшись и накомандовавшись в бесконечных кавказских стычках, освоил для себя некую маску грубоватого рубаки. Маска впечатляла не только генералов от паркета, но даже и весьма бывалых рубак. Однако если далекие от пальбы и шашки внимали грубоватому воину с известным почтением, то боевых офицеров подчас приходилось в некотором роде ошарашивать откровенной неприязнью. Как правило, многие терялись или сердились, зная странное и в общем-то необъяснимое благорасположение самого Наместника к полковнику Ломакину.

А благорасположение объяснялось одной фразой, сказанной, кстати, лично генералу Мурашову после первого же свидания Его Высочества с доселе малоприметным полковником:

— Почему-то я с детства предпочитал Антониев Цезарям. Прямолинейность по крайней мере честна.

Петр Николаевич тут же согласился, но навсегда позабыл об этом, в известной мере, ключевом замечании. И потому, что особой памятью не отличался, и потому, что сроду не читал Шекспира, и потому, что пребывал в сферах слегка мистического окраса. Как бы там ни было, а подчеркнуто неприветливое отношение полковника Ломакина к подполковнику Скобелеву,

продемонстрированное на первом же свидании, генерал-адъютантом Мурашовым расшифровано не было, почему он только недоуменно вздыхал да разводил руками.

Вскоре полковник Ломакин попросил Михаила Дмитриевича посетить только что созданный штаб будущего отряда. Не столько для того, чтобы поближе познакомиться с подполковником, непонятно почему согласившемся на странный для офицера его ранга волонтерский статус, сколько чтобы еще раз ошарашить:

— Его Высочество разделяет мое неприятие замены штатных палаток на предложенные вами кибитки, отчего и соизволил перенести начало нашей операции на апрель. Надеюсь, в апреле ваши войлочные кибитки нам не понадобятся. То же самое касается и предложенного вами усиленного солдатского питания, поскольку холода уже отойдут, а жара еще не подоспеет.

На самом-то деле Наместник получил от Кауфмана депешу с просьбой несколько отсрочить выступление отряда, исходя из реальных соображений: он подтягивал свои широко разбросанные отряды к границам Хивы и вполне обоснованно полагал, что выступление может оказаться преждевременным. Но Скобелев об этом, естественно, не знал, а потому и посчитал себя несколько уязвленным, но удержался от каких бы

то ни было уточнений.

Впрочем, он отметил, что полковник Ломакин никогда не позволяет себе не только шуток дурного тона, но даже иронии в его адрес при офицерах, уже назначенных в отряд. Ни при подполковнике Поярове, ни при майоре Навроцком, ни даже при юном подпоручике Гродикове. Наоборот, при них он держался более чем корректно, словно подчеркивая особую миссию подполковника Скобелева, не внесенного в официальный реестр офицерского состава как бы из особых на то соображений высшего начальства. Однако не это послужило основной причиной, почему Михаил Дмитриевич не покинул отряд с той же легкостью, с какой вступил в него.

— Предчувствие, — много позже объяснит он, усмехнувшись, — предчувствие, что именно он, Николай Павлович Ломакин, станет альфой и омегой всей военной карьеры моей.

Странно, но именно так оно и случилось.

3

В начале апреля началась переброска отряда с Кавказского побережья на полуостров Мангышлак. Собранный из осколков частей отряд был не многочисленным: три роты пехоты, два артиллерийских орудия, одна ракетная батарея да

две сотни казаков, которые, правда, еще не прибыли к месту переправы. Всего смогли выделить две тысячи сто сорок человек, включая штабных офицеров, тыловиков и коноводов, но не из нежелания использовать кавказских вояк вдали от привычных мест, а по настоятельной просьбе Скобелева, переданной генералом Мурашовым Наместнику лично. Михаил Дмитриевич уповал на неожиданность и быстроту, а по степному бездорожью большой отряд наверняка бы растянулся на много верст, потеряв как во внезапности, так и в стремительности. С этим в конце концов согласился и полковник Ломакин, хотя и после долгих утомительных разговоров.

— Сделайте милость, Скобелев, выпросите еще казаков. Хотя бы полусотню. Соберете их, тогда и переправляйтесь.

Просить Михаил Дмитриевич не любил вообще, а в данном случае понимал, что просьбы бесполезны. Кавказский театр военных действий был настолько привычен, стал настолько своим, родным, потомственным, что всегда рассматривался через увеличительное стекло местных связей, взаимоотношений и интересов. Все остальное — даже недавняя и очень болезненно переживаемая Крымская война — воспринималось, как нечто внешнее, «петербургское», а потому неродное. Он был очень рад, когда обещанные две

сотни пришли без всяких дополнительных напоминаний, хотя при этом казаки и не думали скрывать своего понимания происходящего и недовольства действиями начальства:

— Калмыков туда надо. Или хотя бы башкирцев. Они степняки природные.

Однако дальше этого привычного казачьего ворчания дело не шло. Кони были вычищены и в добром теле, сбруя и амуниция — тоже, и Скобелев, как заядлый кавалерист, улыбочиво балагурил в ответ на казачье ворчанье. И даже, пользуясь временем, провел недалекий поход — скорее ради лошадей, чем ради всадников. А потом пришел пароход, и они поплыли через Каспийское море в края, даже Михаилу Дмитриевичу известные только по топографическим схемам, мало привязанным к реальной географии.

— Мне рекомендовали местного толмача, — сказал Ломакин, когда Скобелев доложил о благополучном прибытии. — Уверяют, что ему ведомы все здешние языки.

— Поздравляю. Это отличное приобретение.

— Беда в том, что он — цивилильный, — вздохнул полковник. — Да и со стороны матери — то ли киргиз, то ли калмык. Правда, закончил гимназию, но... Как бы вам сказать, Михаил Дмитриевич, я — в некотором замешательстве.

— Пожалуйте ему своею властью чин

прапорщика, и все замешательства кончатся. Во-первых, солдаты прикусят языки, а во-вторых, он принесет присягу. Ведь второе вас беспокоит куда больше первого, не так ли, Николай Павлович?

— Пожалуй, вы правы.

На этом несколько странный разговор тогда и окончился. Скобелев занимался устройством казаков, с полковником Ломакиным более не виделся и ни разу не задумался, почему Николай Павлович решил поставить его в известность по поводу предполагаемого переводчика. До тех пор пока этот переводчик лично не явился к нему, негромко и не очень умело доложив:

— Прапорщик Млынов. Представляюсь по причине производства в штаб-офицерский чин.

— Курица — не птица, прапорщик — не офицер, — усмехнулся Михаил Дмитриевич. — А почему, собственно, вы мне представляетесь? Я — лицо добровольное, а, стало быть, и без всякой официальной должности.

— Вы назначены командиром авангарда, господин полковник. Следовательно, мне предстоит служить под вашим началом.

— Я ничего не знаю об этом.

— Я умею слушать, господин полковник.

— А молчать? — прищурился Скобелев.

— А молчать — тем более.

Откуда новоиспеченный прапорщик Млынов

узнал о назначении добровольно примкнувшего к Мангышлакскому отряду подполковника Скобелева командиром авангарда, так и осталось тайной. Он и вправду оказался на редкость немногословным, а его бесстрастное калмыцкое лицо ровно ничего не выражало. Но письменный приказ (полковник Ломакин был прилежным служакой) вскоре и впрямь поступил, хотя и с оговоркой о личном на то желании Скобелева. Вероятно, оговорка и была сделана ради этого личного согласия, но Михаил Дмитриевич об этом не стал задумываться. Он был кавалеристом не столько по воинской профессии, сколько по склонности порывистой натуры своей, а потому согласился тотчас же и — с радостью.

Верблюдов все же закупили у местного населения, но недостаточно, поскольку казна выделила для этого весьма скромную сумму. А апрель выдался небывало жарким, пересекать выжженные солнцем полупустыни и солончаковые степи с малым караваном было весьма опасно, что понимал даже полковник Ломакин, восчувствовавший неласковый климат собственным телом. Однако старая кавказская привычка сказала в нем сильнее всякого понимания, почему он и отдал майору Навроцкому распоряжение отобрать верблюдов силой. Навроцкий ринулся исполнять приказ со всем пылом, но вскоре обескураженно вернулся ни с чем: киргизы

откочевали подальше и в направлении неизвестном.

— Их явно кто-то предупредил, господин полковник. Они не могли уйти в свои степи ни с того ни с сего.

Скобелев предполагал, кто мог посоветовать кочевникам отогнать стада подальше от русских войск, но понимал, что означает для них подобная экспроприация. Местные киргизы никогда не враждовали с Россией, помогали, чем могли, и вводить в этом крае военные обычаи Кавказской войны он не хотел. И решительно пресек догадку майора Навроцкого:

— Прапорщик Млынов находился со мной безотлучно.

А у толмача спросил наедине:

— Нам хватит верблюдов хотя бы для того, чтобы везти с собою необходимый запас воды?

— Если хивинцы не отравят колодцы.

— Судя по топографическим схемам, этих колодцев вполне достаточно на нашем пути.

Скобелева интересовало, как ответит толмач. Во имя сбережения казенных средств старательный и очень недоверчивый Ломакин отказался от проводника, полностью доверившись Млынову. Мнения Михаила Дмитриевича никто при этом не спрашивал: молодого переводчика рекомендовали местные власти, как редкого знатока всего Туркестана.